

*Родная и любимая земля!
Как все знакомо
здесь и как все
сердцу мило!*
Л. Булыгин

Сборник
краеведческих работ по итогам

XXI Булыгинских
литературно-краеведческих чтений

«Да будет Время с нами вечно!»

г. Гороховец
2024 г.

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Современный культурный центр им. П.П.Булыгина»
Гороховецкого района Владимирской области

«Да будет Время с нами вечно!»

Сборник краеведческих работ по итогам
XXI Булыгинских
литературно-краеведческих чтений

г. Гороховец
2024 г.

«Да будет Время с нами вечно!» Сборник краеведческих работ по итогам XXI Булыгинских литературно-краеведческих чтений. / МБУК «Современный культурный центр им. П.П. Булыгина» Гороховецкого р-на Владимирской обл.- Гороховец, 2024 - 56 с.

В основу данного сборника легли краеведческие материалы XXI Булыгинских литературно-краеведческих чтений «Да будет Время с нами вечно!», прошедших в г. Гороховец в феврале 2024 г. Издание предназначено для всех интересующихся историей древней Владимирской земли, в частности, г. Гороховца и Гороховецкого района.

На обложке: Павел Петрович Булыгин (1896 – 1936).

*Редактор: Бусько Л.В.
Компьютерная верстка: Осипова В.А.*

Содержание

Анкудинов А.И. , Гороховец – крупный железнодорожный узел на пути из Петербурга в Среднюю Азию.	4
Барашков В.В. Гороховчане – героические защитники Севастополя в 1854-1855 гг.	11
Ершов А.Л. Закрытие храма в селе Свято в 1929–1930 гг.	14
Зыкова А.А. Беляковы в гороховецком имении Некрасовых.	18
Кошелева Т.В. Леванидовы Иван Николаевич и Валерий Иванович (о двух представителях рода Леванидовых).....	23
Модестова О. Н. Как слово наше отзовется	39
Роот М.В. Есть такая профессия – интересы Родины в мире защищать. Дипломат Сергеев М.Г. из д. Шубино.	44
Ушаков В.Н. Губернский архитектор Е.Я. Петров	53

Гороховец – крупный железнодорожный узел на пути из Петербурга в Среднюю Азию.

Неосуществленный проект
Российской Империи 1901-1914 гг.

*Анжудинов Антон Игоревич,
г. Гороховец*

В 1901 г. в Санкт-Петербурге возникла идея строительства большой железнодорожной магистрали, которая должна, минуя Москву, соединить столицу со Средним Поволжьем, а позднее достигнуть среднеазиатских владений империи с дальнейшим выходом в Индию. История проектирования этого пути растянулась более чем на десятилетие, и по причине раскола в рядах заинтересованных лиц, а также из-за начавшейся Первой Мировой войны, проект так и не был реализован.

Изначально проект предполагал соединить уже существующие железнодорожные линии так, чтобы путь из Санкт-Петербурга в Симбирск выглядел единой и прямой дорогой без многочисленных пересадок. Для этого необходимо было запроектировать 780 верст пути от станции Ермолино Костромской губернии до станции Кинель Самарской губернии. Таким образом, железная дорога по пути в Нижний Новгород прошла бы через северные территории Гороховецкого уезда: Мытскую Кромскую, Верхне-Ландеховскую, Пестяковскую волости. Затем родился другой вариант планируемой дороги, согласно которому она могла бы пересекать сам город Гороховец...

Впервые в Гороховецких документах строительство новой железнодорожной линии Санкт-Петербург – Поволжье упоминается в начале 1903 года. 28 февраля в Гороховецкую уездную земскую управу поступило обращение Нижегородской губернской земской управы. В нем говорилось о возможной железной дороге, которая кратким путем соединит Санкт-Петербург с Нижним Новгородом. Нижегородцы не обладали сведениями в отношении всех местностей по линии проектируемой дороги, поэтому обратились в Гороховецкую земскую управу с просьбой сообщить, насколько в интересах Гороховецкого уезда строительство этой дороги, окажет ли она значение на местную промышленность и в каком размере можно ожидать пассажирское движение.

Далее в течение пяти лет длилась переписка местных земских управ, собирались данные о возможном объеме грузов и пассажирского движения по предполагаемой железной дороге. Горо-

ховецкая земская управа запрашивала у волостных правлений экономические справки о своих территориях. Все полученные данные направлялись нижегородцами в Санкт-Петербургский Департамент железнодорожных дел, который ходатайствовал перед Министерством финансов о разработке проекта нового пути.

6 февраля 1908 года Департамент железнодорожных дел уведомил все заинтересованные стороны о том, что Министерство финансов не признало возможным дать движение проекту железной дороги Санкт-Петербург – Кинель по следующим соображениям: во-первых, новая дорога, отвлекая значительное число грузов от существующих линий, нанесет сети крупный ущерб, который можно оценить уменьшением чистого дохода до 8 млн. руб.; во-вторых, самостоятельного экономического значения эта линия иметь не будет.

На этом инициаторы возведения новой железной дороги не успокоились. Уже менее чем через две недели, 18 февраля 1908 г., Гороховецкое земство получило письмо из г. Балахны Нижегородской губернии. Балахнинское земство выразило решительное несогласие с Департаментом железнодорожных дел: «Едва ли Департамент имеет сведения об экономической возможности проведения этой дороги для местности. Утверждение, что дорога отвлечет 8 млн. руб. от существующей сети дорог само собой показывает важность экономического значения этой дороги». Балахнинцы просили Гороховецкую земскую управу созвать экстренное земское собрание для возбуждения аналогичного с Балахнинским земством ходатайства перед Департаментом ж/д дел или же возбудить ходатайство о представительстве в Комиссии о новых железных дорогах от Гороховецкого земства.

Решительные действия местных земств давали свои результаты, в 1909 году образовалось особое Общество Санкт-Петербургско-Волжской железной дороги.

Сторонникам новой железной дороги удалось собрать особую группу, состоящую из членов Государственного Совета и Государственной Думы, земских и городских гласных, избранных от населения заинтересованных губерний. На частном заседании данной группы говорилось о том, что кроме огромного общегосударственного значения, как прямого транзитного пути для грузов Сибири и Средней Азии, эта дорога будет иметь и весьма важное местное экономическое значение для Самарской, Симбирской, Нижегородской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Новгородской губерний. Группа признала полезным представить в

Межведомственную комиссию при Министерстве финансов подробную мотивированную записку для доказательства общегосударственного и местного экономического значения нового рельсового пути.

Пока проходили совещания разных комиссий и шла затянувшаяся бюрократическая переписка, свою инициативу решили проявить жители села Павлово Горбатовского уезда Нижегородской губернии, которые предложили еще более сократить путь планируемой железной дороги, пустив ее не через Нижний Новгород, а по линии Шуя – Гороховец – Павлово – Арзамас – Алатырь. Переход через р.Оку предполагался близ с.Тарки в трех верстах от с.Павлово. Таким образом, дорога должна была пройти не через северную сельскую часть Гороховецкого уезда, а через сам город Гороховец.

Павловские купцы умело лоббировали свои интересы, не уступая губернской столице, крупному торговому и промышленному центру – Нижнему Новгороду. В селе организовали свою специальную железнодорожную комиссию. И уже весной 1910 г. идея павловчан серьезно обсуждалась в Петербурге, так как нашла поддержку среди коммерсантов Шуи и Иваново-Вознесенска. Группа московских предпринимателей во главе со знаменитым С.И. Мамонтовым ходатайствовала перед правительством о разрешении учредить акционерное общество с целью сооружения железной дороги Шуя – Павлово – Гороховец – Арзамас.

Павловский вариант железной дороги, безусловно, поддерживали и гороховчане. 26 ноября 1910 года состоялось чрезвычайное (внеплановое) заседание Гороховецкой городской думы, на котором был заслушан доклад городского головы, члена III Государственной Думы Александра Михайловича Кобякова, после чего городское управление признало этот вариант дороги наиболее выгодным для интересов Гороховца.

Из доклада купца А.М. Кобякова: «Вариант Шуя – Гороховец – Павлово с устройством станции близ города или близлежащего села Красного – вполне целесообразен, так как подход дороги к городу вызывается развивающеюся год от года промышленностью города и окружной местности, могущей дать достаточный материал для железнодорожной деятельности...».

Из числа гласных думы закрытым голосованием выбрали троих представителей для участия в работе группы С.И. Мамонтова и Межведомственной комиссии при Департаменте железных дорог. Ими оказались купцы Александр Михайлович Кобяков,

Михаил Николаевич Балугев, Павел Алексеевич Судоплатов. Также по результатам заседания Гороховецкое городское управление направило свое донесение Владимирскому губернатору И.Н. Сазанову с просьбой ходатайствовать перед Министерством финансов и Комиссией по проведению новых железных дорог, поясняя важность строительства пути через город Гороховец:

«...Для Гороховецкого уезда проектируемый путь по магистрали Шуя – Гороховец – Павлово – Алатырь – Симбирск имеет существенно важное значение, так как, проходя чрез громадные лесные пространства Заклязьменского и Засуворощского боров, путь этот вызовет усиленную эксплуатацию накопившихся там лесных богатств, не имеющих доселе надлежащего сбыта за отсутствием удобных путей сообщения, отразится на развитии местной заводской деятельности (разработка лесных материалов), вызовет к жизни местную кустарную производительность (обработка по дереву) и т.п. Кроме того, образуя у города Гороховца узел скрещивания водного и железнодорожного путей, новая дорога удешевит и упорядочит доставку таких грузов, как например хлопок, идущий из среднеазиатских владений для надобности Шуйско-Ивановского района с его широко развитым ситце-бумажным производством, или хлебные грузы, в которых так нуждаются Северные губернии. Таким образом, и в транзитном отношении новый путь имеет громадное значение...».

К тому же в непосредственной близости к Гороховцу оказалось бы пересечение двух крупных железнодорожных путей: из Москвы в Сибирь и из Петербурга в Среднюю Азию. Можно только представить, какое серьезное влияние оказало бы это в будущем на экономическое развитие города Гороховца и всего уезда.

В 1911 г. гороховчане уже с надеждой на положительное разрешение вопроса о новой дороге вносили изменения в городской бюджет, чтобы всегда наготове иметь средства, которые понадобятся на разные расходы, связанные с проектированием или отправкой докладных записок.

В 1912 г. в Гороховецкую городскую думу поступило письмо от Иваново-Вознесенской городской управы, в котором ивановцы просили поддержать идею пустить новую железную дорогу не через Шую, а непосредственно через город Иваново-Вознесенск Шуйского уезда Владимирской губернии. Предложение заключалось в том, чтобы исключить первый участок Ермолино – Шуя и заменить его участком Малаховка – Иваново. Гороховчане поддержали эту инициативу, объяснив тем, что все ранее рассматри-

ваемые варианты дорог игнорировали город Иваново-Вознесенск – самый крупный центр фабричной промышленности, с населением свыше 100 тыс. чел., в том числе численностью фабричных рабочих до 70 тыс. чел. Для сравнения, численность населения губернского города Владимира составляла в это время всего 30 тыс. чел.

Где же именно должна была пройти в Гороховце железнодорожная линия, и в каком месте через р. Клязьму планировалось строительство моста? Точных данных об этом не имеется, но по косвенным упоминаниям в разных городских документах можно понять, что предполагаемая железная дорога пересекала р. Клязьму ниже Нижне-Набережной улицы, за котельно-судостроительным заводом И.А. Шорина. Об этом, в частности, говорит следующий документ.

17 января 1912 г. в Городской думе рассматривалось обращение Товарищества ватной фабрики Крюкова и Морозова о сдаче в аренду под фабрику нового участка земли по берегу р. Клязьмы. Городская дума постановила: «Ввиду возбуждения вопроса о проведении через город Гороховец железнодорожной линии, проектируемой постройки моста через Клязьму, и предлагаемому по плану проходу линии железной дороги именно по участку, указываемому Товариществом, сдачу Товариществу берегового участка для возведения фабрики временно до разрешения в том или ином духе означенного вопроса – приостановить. Предложить Товариществу, уже арендующему у города землю на срок до 1919 года, другой участок городской выгонной земли за Нижне-Набережной улицей в той мере, какая потребуется для фабрики».

Ф.Д. Крюков и М.С. Морозов просили в аренду на 30 лет достаточно большой участок земли по берегу реки длиной в 100 сажень (213,4 метра) и шириной в 40 сажень (85,3 метра) рядом с землей, арендуемой И.А. Шориным.

В том же 1912 г. Ватная фабрика в Гороховце сгорела до основания. После чего 11 декабря 1912 г. в Городскую думу обратился И.А. Шорин с заявлением об отдаче ему в аренду для склада леса участка земли, который находился ранее под Ватной фабрикой, поскольку, со слов владельцев сгоревшего предприятия, восстанавливаться оно не будет.

Таким образом, при прохождении железной дороги через Гороховец вокзал должен был оказаться на территории пригородного села Красного. В связи с этим в 1913 г. гороховчане уже задумались о его присоединении к городу, поскольку село давно

вплотную подошло к Гороховцу. Податный инспектор, надворный советник Н.А. Дмитриев в своей докладной записке Владимирскому губернатору предлагал включить Красное село в облагаемую селитебную площадь г.Гороховца. В объяснении он писал:

«Гороховец, по своему естественному положению, может развиваться только за счет территории Красного села, в котором имеются запасные частновладельческие земли, представляющие удобную и здоровую для жилья местность. Вполне материально обеспеченный класс городского населения из года в год приобретает земли в Красном селе и возводит постройки, не имеющие сельско-хозяйственного характера... В случае осуществления проекта проведения железной дороги, в Красном селе будет устроен вокзал, а это вызовет возведение строений торгово-промышленного характера... Принимая во внимание растущую застройку Красного села... я полагал бы на будущее время село Красное также включить в селитебную площадь г.Гороховца».

Несмотря на это, Красное село стало частью города Гороховца лишь спустя полвека: в декабре 1960 г.

Тем временем, за пределами Гороховца страсти вокруг разных вариантов строительства железной дороги не утихали. В октябре 1913 г. в Петербурге в очередной раз собралась Комиссия по новым железным дорогам. И здесь выяснилось, что ситуация на заседаниях комиссии неблагоприятна для павловчан и их сторонников.

Не помогла поддержка Шуйских и Ивановских земских и городских властей, Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур, представителей Гороховца, Вязников и Арзамаса.

Не убедили комиссию и результаты сравнительного обследования вариантов проектируемой магистрали, выявившие преимущества гороховецко-павловского направления почти по всем основным показателям. Не спасло положение даже выступление члена III Государственной Думы, гласного Горбатовского земского собрания А.Е. Фаворского, убедительно опровергнувшего аргументацию своих противников. Он, в частности, отверг необходимость проведения железной дороги через районы кустарного производства на севере Гороховецкого и в Балахнинском уезде, отметив, что «кустарные изделия как железнодорожный груз представляют ничтожную величину». Не считал Фаворский необходимой еще одну железную дорогу и для Нижегородской ярмарки: «при общей тенденции к сокращению товарного склада Нижегородская ярмарка не имеет нужды в новой железной дороге, тем более что

ярмарочный сезон совпадает с навигацией по системе рек Волги и Оки».

Против дороги через Гороховец и Павлово единым фронтом выступили представители Нижегородского биржевого комитета, в том числе крупный судовладелец и городской голова Нижнего Новгорода Д.В. Сироткин – известный гороховчанам, как заказчик крупнейшей в мире баржи «Марфа-Посадница», изготовленной на гороховецком заводе И.А. Шорина.

Последнее заседание комиссии о новых железных дорогах состоялось 4 февраля 1914 г. Прения завершились победой сторонников трассы Ермолино – Нижний Новгород, за которую высказалось большинство членов комиссии.

Железнодорожные «баталии» на этом не закончились. Категорически с выводом комиссии не согласись павловчане, которые на свою сторону привлекали все больше членов правительства и государственных деятелей. А Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур свои доводы в пользу павловского варианта издал в виде отдельной брошюры.

В июле 1914 г. началась Первая Мировая война, дефицит бюджета и инфляция приостановили реализацию многих полезных проектов в Российской империи. Вопрос о строительстве железной дороги Петроград – Нижний Новгород поднимался в 1920-х гг., и некоторые ее фрагменты действительно были построены в Симбирской и Нижегородской губерниях, а город Гороховец навсегда остался в стороне от всех железных дорог и их проектов.

Источники и литература

Дело о проведении железнодорожного пути между ст. Ермолино северных дорог и Симбирском. 1912 г. // ГАВО. Ф.379. Оп.1. Д.1151.

Дело о проведении железной дороги между г. Шуя и Нижним Новгородом. 1907-1908. // ГАВО. Ф.379. Оп.1. Д.927.

Переписка с Владимирской казенной палатой о съезде податной инспекторов, о рассмотрении площади в городе Гороховце за счет села Красного...1913 г. // ГАВО. Ф.336. Оп.1. Д.54. Л.11.

Постановления Гороховецкой городской думы за 1910 год // ГАВО. Ф.205. Оп.1. Д.1883.

Постановления Гороховецкой городской думы за 1912 год // ГАВО. Ф.205. Оп.1. Д.2190.

О проведении ж/д пути Шуя-Гороховец-Павлово-Алатырь-Симбирск. 1911-1912 гг. // ГАВО. Ф.205. Оп.1. Д.2119.

О постройке Санкт-Петербурго-Волжской железной дороги. 1903 г. // Ф.382. Оп.1. Д.50.

Федотов Н. Страсти вокруг железной дороги // «Павловский металлист». 2008. от 25 дек.

Гороховчане – героические защитники Севастополя в 1854-1855 гг.

*Барашков Владимир Викторович,
г. Владимир*

Российский народ высоко чтит ратные подвиги своих предков, с честью защищавших родную землю от многочисленных посягательств иностранных завоевателей. Выдающимся примером воинской доблести и массового героизма явилась оборона Севастополя в 1854-1855 годах от англо-французских войск. Одним из центральных эпизодов 349-дневной обороны явилось успешное отражение общего штурма 6 июня 1855 г. Защитники Севастополя одержали верх над неприятелем, превосходившим его количеством войск и вооружений. События, развернувшиеся в этот день у стен осаждённого врагом Севастополя, воспроизведены в монументальном произведении батальной живописи – панораме «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.» художника Франца Алексеевича Рубо. Самое деятельное участие в этом сражении, да и во всех делах обороны, принимали сапёрные батальоны. Борьба за Севастополь развернулась не только на земле, она шла и под землей.

В 4-м сапёрном батальоне находились трое уроженцев Гороховецкого края. Батальон в обороне участвовал с 24 октября 1854 г. по 27 августа 1855 г. Рядовой Веденеев Тихон Трофимович отличился при сапёрных работах на 4-ом бастионе. Был ранен осколком гранаты в кисть руки¹. После окончания срока военной службы в 1866 году вышел в отставку и вернулся на родину в деревню Новая Гороховецкого уезда. Рядовой Ворошилов Василий Кондратьевич также принимал участие в отражении штурмов и бомбардировок на Севастополь со стороны англо-французских войск. В 1860 г. вышел в отставку и вернулся на родину в деревню Ветелицы Гороховецкого уезда. Особо отличился 6 июня рядовой Чадов Фёдор Васильевич, который при предписании генерал-адъютанта князя Горчакова, командующего Южной армией и войсками в Крыму, от 2 июля 1855 г. был представлен к награждению Знаком отличия Военного ордена св. Георгия (далее ЗОВО). В формулировке сказано: «За отличие, оказанное при отражении штурма на г. Севастополь 6 июня 1855 г.»². В приказе по Южной

¹ Инженерный журнал. № 11-12 (ноябрь-декабрь). Отдел неофициальный. СПб., 1880. С. 1220.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 9198, опись 4/247, дело 2 (часть 2), связка 1, с. 93.

армии Чадов награждён ЗОВО № 106585¹. Необходимо отметить, что во время нахождения 4-го батальона на оборонительной линии с 24 октября 1854 г. по 27 августа 1855 г. в нём была следующая убыль в нижних чинах: убито – 59 человек, ранено – 234, контужено – 169, без вести пропало – 32, итого 494 человека.

В конце 1855 года по воле Государя императора нижние чины сапёрных батальонов (3-го, 4-го и 6-го), в Крыму находящихся и имеющих ЗОВО, были удостоены к переводу в Гвардию². Среди 8 сапёров 4-го батальона был и Фёдор Чадов. Он вместе с другими сапёрами был представлен Его Императорскому Величеству на смотре 18 декабря 1855 г. Так Фёдор Чадов оказался в лейб-гвардии сапёрном батальоне, где дослужился до унтер-офицерского звания. По окончании срока службы прибыл на родину в город Гороховец. Из донесения гороховецкого пристава, поданного на имя Владимирского губернатора в 1902 году в связи со сбором данных о ветеранах-севастопольцах, известно, что «Фёдор Чадов проживал в городе Гороховце в своём доме вместе с сыном Иваном, который занимался торговлей – лесопромышленник»³. У Ивана было трое дочерей и семеро сыновей. Наверное, многие гороховчане, жившие в это время, знали эту трудолюбивую, крепкую семью.

Вместе с сапёрами участвовали в сражениях по защите города и пехотные полки. В Елецком пехотном полку служили двое гороховчан. Полк участвовал в обороне города с 3 июня по 27 августа 1855 г. В отражении неприятельского штурма 6 июня особо отличился рядовой Кабанов Тарас Иванович, в сражении был ранен. Так же, как и Фёдор Чадов, при отзыве главнокомандующего Южной армией был награждён ЗОВО № 105334 с формулировкой: «За храбрость при отражении неприятельского штурма на г. Севастополь 6 июня 1855 г.»⁴. После дальнейшей службы и отставки вернулся домой в деревню Семеновку Гороховецкого уезда. Вместе с ним сражался и его однополчанин рядовой Базлов Григорий Антонович, который перенёс все тяготы, выпавшие на долю защитников Севастополя. После окончания службы Григорий вернулся на родину в Гороховецкий уезд. Ещё одним защитником обороны Севастополя – гороховчанином был унтер-офицер 34-го пехотного

¹ РГВИА. Фонд 9196. Опись 23/286 (часть 3), связка 18, с. 177.

² РГВИА. Фонд 9196. Опись 4/247, дело 155, с. 28.

³ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Фонд 999, опись 4, дело 2, с. 36 об.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 496, опись 3, дело 761 (списки награждённых Знаком отличия Военного ордена).

Севского полка Гаврилов Иван Гаврилович. Он находился вместе с полком в Севастополе с 31 июля по 27 августа 1855 г. и участвовал в последнем неприятельском штурме 27 августа. В 1867 году вышел за выслугу лет в отставку и вернулся на родину в Гороховецкий уезд. Умер на родине 5 апреля 1913 года¹.

Все вышеупомянутые герои были награждены:

1. Серебряной медалью на Георгиевской ленте за защиту Севастополя 1854-1855 г.

2. Светло-бронзовой медалью в память войны 1853-1856 г.

3. К выслуге лет им было прибавлено из расчёта 1 день за 12 дней, 1 месяц за 1 год.

Также в честь 50-летия обороны Севастополя была учреждена серебряная юбилейная медаль для ношения на груди на Георгиевской ленте и ветеранам-севастопольцам увеличена пенсия.

Работая в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) с документами по Крымской войне и обороне Севастополя, я недавно нашел имя ещё одного гороховчанина². Это рядовой Муромского пехотного полка Павел Комаров. Павел поступил на военную службу рекрутом 4 ноября 1848 года и был зачислен в 3-й батальон. Полк участвовал в защите Севастополя с 7 мая 1855 года. Особенно сильный ожесточенный бой против англо-французских войск произошёл 25-26 мая. В этом бою потери полка составили: убиты 1 штаб-офицер, 8 обер-офицеров и 365 нижних чинов; ранены 1 штаб-офицер, 19 обер-офицеров, 483 нижних чинов; без вести пропали 1 обер-офицер и 289 нижних чинов; в плен взяты 5 обер-офицеров и 223 нижних чинов, среди которых и Павел. В плену он находился в Англии и вернулся из плена 15 августа 1855 года. Впоследствии дослуживал срок службы в другом полку. Павел Комаров – уроженец деревни Повалихиной Кожинской волости. До призыва на службу был женат (жена Катерина Тимофеевна) и имел сына Семёна и дочь Ирину.

Русские солдаты в сражениях за защиту своей Родины вели себя так, словно нет у них страха перед смертью. Даже в поражении солдаты оставались героями, не потерявшими высоту духа российского воинства.

¹ К сожалению, автору пока не удалось установить, конкретно в каком населённом пункте Гороховецкого уезда проживали Базлов Г.А. и Гаврилов И.Г.

² РГВИА. Фонд 395, опись 110, дело 355, с. 61.

Заккрытие храма в селе Свято в 1929–1930 гг.

*Ершов Андрей Леонидович,
г. Суздаль*

Село Свято Гороховецкого района впервые упоминается в писцовых книгах 1628–1630 гг. Муромского уезда как «сельцо Свято на месте пустоши Свято с запустевшей церковью Архистратига Михаила». Владел им в то время муромец Иван Сергеевич Осорьин. В сельце имелись двор помещиков и 3 двора крестьянских. В окладных книгах Рязанской епархии за 1678 год в селе Свято отмечена церковь во имя Архистратига Михаила. В 1819–1829 гг. вместо обветшавшего деревянного храма на средства помещика Муромцева и прихожан построен был небольшой каменный храм, в 1863–1864 гг. трапеза храма была расширена. Престолов в храме было три: в холодной во имя Архистратига Михаила, в трапезе теплой в честь Смоленской иконы Божьей Матери и Святого Николая Чудотворца [2]. В XIX и первой четверти XX века село являлось центром Святской волости Гороховецкого уезда.

В 1929 г. в ходе проведенной в СССР административно-территориальной реформы была ликвидирована Владимирская губерния. Ее большая часть вошла в состав Ивановской области, небольшая – в состав Нижегородского (позднее (с 1932 г.) Горьковского) края и совсем маленькая – в состав Московской области. Из территорий, отошедших к Нижегородскому краю, было сформировано 3 района: Муромский, Ляховский и Фоминский. Фоминский район был образован из Фоминской волости (Муромского уезда), которая в свою очередь в 1924 г. была образована из Фоминской, Басовской и Боровицкой волостей Гороховецкого уезда (сам уезд тогда был ликвидирован, а его уезды поделены между Муромским и Вязниковским уездами). Т.о. Фоминский район – это южная, сравнительно небольшая часть от дореволюционного Гороховецкого уезда (позднее, в 1959 г. район был присоединен к Гороховецкому, за исключением небольшой части) [1, с. 47, 41, 131].

1929 год ознаменовался не только административно-территориальной реформой, но и широкой коллективизацией, а также массовым закрытием храмов по всей стране, которое, кстати, часто шло рука об руку с коллективизацией. Борьба с Церковью, конечно, велась с 1917 г. (ликвидация мощей, изъятие церковных ценностей, гонения на духовенство, закрытие всех

монастырей и т.д.), но закрытие храмов в этот период все же еще не носило массового характера. В 1929 г. ситуация резко менялась по всей стране [4]. В данной статье пойдет речь о закрытии храма в селе Свято Фоминского района в 1929–1930 гг.

Процесс закрытия храма в этом селе начался с вынесения данного вопроса на заседании одной из местных ячеек ВКП(б), которое произошло, вероятно, в начале 20-х чисел ноября 1929 г. Уже 25 ноября это решение поддержало общее собрание д. Горловки, где присутствовало 120 человек (воздержалось 2 человека). 26 ноября – общее собрание д. Старый Поташ (присутствовало 68 человек), где было решено использовать храм под культурно-бытовое обслуживание населения [6, л. 14, 6].

Собрание в д. Вамна прошло не так единодушно (присутствовало 150 человек). Сначала некто Бобров выступил с докладом об острой нужде в помещениях для культурных целей, под которые можно и нужно использовать здание храма. Некоторые присутствующие его поддержали: Старовцов («Молодежи церковь не нужна, а верующих – десяток»), Климанов («Церковь пустует»), Краснов, Михайлов, Королев и нек. др. Но тут же раздались и голоса против: Демидов – «Оставьте церковь!»; Назаров – «Неужели Наробраз не найдет помещение, кроме церкви?»; другой Михайлов – «Имеем право держать священника»; Беляков – «Школу надо строить новую, а церковь оставить»; Гнездова – «Высшая власть не так притесняет население, как низы», Парамонов – отказался от подписи и т.д. Тем не менее, Бобров выступил с заключительным словом, что церковь необходимо переоборудовать под культурные цели [6, л. 8–9].

В тот же день в самом селе Свято прошло заседание о судьбе храма, на котором лишь 33 человека проголосовали за его закрытие, зато 42 – против [6, л. 7].

Дальше ситуация приобретает несколько неожиданный поворот – 25 декабря священник Василий Иванович Руберовский подает в Святовский сельсовет заявление: «Прекращаю свою деятельность как в храме, так и вне его, за имущество далее ответственность не несу» [6, л. 10]. Это более чем редкое явление в делах о закрытиях храмов. Чем оно вызвано, какие события ему предшествовали, в архивном деле, к сожалению, не оговаривается.

Священнику было тогда 40 лет (родился он в 1889 г. в с. Красном Суздальского уезда; служил в селе Свято с 1911 г.); после, в 1930-е гг. служил: с 1931 г. в с. Сергиево-Горки Никологорского

района, с 1933 г. в с. Левино Вязниковского района, с 1939 г. в Покровской церкви г. Вязники, с 1940 г. в Кинешемском погосте Вязниковского района. 2 февраля 1941 г. был арестован, приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах, в 1942 г. скончался в тюремной больнице [3; 5].

В январе 1930 г. данное заявление и заявление от 3 граждан д. Горловки (вероятно, это были члены церковного совета) об отказе от храма были направлены в Фоминский райисполком [6, л. 5, 15]. На этом в процессе закрытия храма наступает пауза.

И лишь в марте процесс закрытия храма возобновляется – 9 марта Фоминское районное агентство Госстраха составляет акт, что верующим за храм начислен налог в сумме 559 рублей, от уплаты которого они отказались [6, л. 16]. Подробности опять же не приводятся.

Чем вызвана пауза и что могло происходить с конца декабря до начала марта? Скорее всего, местные власти на уровне сельсовета и райисполкома сразу после проведения собраний жителей о закрытии храма и заявления священника об отказе служить в храме посчитали, что вопрос о его закрытии решен. Службы в храме, надо полагать, прекратились. Были ли начаты работы по переоборудованию храма, в деле не говорится. А дальше, как известно, 2 марта 1930 г. выходит статья И. Сталина «Головокружение от успехов», в которой в том числе критикуется и такое стихийное закрытие храмов по всей стране. Вероятно, после этого местные власти и начали наводить порядок в вопросе закрытия в т.ч. и данного храма.

Отказ верующих от уплаты налогов за храм в этой ситуации более чем понятен – уже более 2 месяцев как решено, что храм закрыт.

После акта райагентства Госстраха Святовский сельсовет 24 марта ходатайствует перед Фоминским райисполкомом о необходимости закрыть храм под народный дом. В тот же день техник из райисполкома составляет акт, что здание храма под эти цели пригодно, но требует ремонта (покраски крыши, частичной оштукатурки, перестила полов на паперти и др.) [6, л. 11–13].

25 марта райисполком выносит решение ходатайствовать перед Муромским окрисполкомом о закрытии данного храма, т.к. церковный совет и служитель культа от храма отказались, населению нужен народный дом, средства на переоборудование имеются [6, л. 18]. (Округ – недолго просуществовавшая (в 1929–

1930 г.) административно-территориальная единица, объединявшая по несколько районов; в 1930 г. была отменена и области и края стали напрямую делиться на районы без промежуточного деления на округа).

29 марта 1930 г. Муромский окрисполком выносит решение: учитывая, что в Фоминском районе острый кризис в помещениях для культурно-просветительных целей и складах, что трудящиеся требуют закрытия церквей, верующие от храмов отказываются и не выполняют обязательства по содержанию храмов (ремонт, страховка, налоги) и что храмы могут быть легко переоборудованы, – необходимо закрыть 8 церквей (в Семеновке, Татарово, Свято, Фоминках) и молитвенных домов (в с. Тараново, д. Пенза и Волчиха). Храм в с. Свято – под народный дом [6, л. 41].

Скорее всего, после вынесения данного решения Муромским окрисполкомом вопрос о закрытии храма в с. Свято считался решенным. После же ликвидации деления на округа у Нижегородского (Горьковского) крайисполкома, вероятно, возник вопрос о статусе данного храма. Поэтому 9 августа 1933 г. Фоминский райисполком пишет в крайисполком, что население высказалось за использование данного храма под культурные цели, храм с 1929 г. не функционирует [6, л. 20].

23 сентября 1933 г. Горьковский крайисполком утвердил решение райисполкома за 1930 г. о закрытии храма [6, л. 46].

Неожиданно 17 мая 1934 г. газета «Горьковская коммуна» направляет в крайисполком записку, что храм в селе не переоборудован, а имущество растаскивается. Начинается переписка между инстанциями. Уполномоченный ОГПУ по Фоминскому району указывает, что в районе работает представитель ХОЗО ОГПУ по смывке золота с церковного имущества, и просит ускорить рассмотрение вопроса, а также сообщает, что храм используется под склад. Крайисполком настаивает, что здание должно использоваться под культурные цели, а под склад может использоваться лишь временно [6, л. 47–51].

Год спустя, 4 июня 1935 г. Фоминский райисполком сообщает в крайисполком, что храм используется под склад. 14 июня крайисполком окончательно утверждает закрытие храма, указывая при этом в протоколе, что храм используется под склад [6, л. 52, 53].

Библиография

1. Административно-территориальное деление Владимирской области / Сост. В.П. Баулина, Т.И. Голованова. – Ярославль: Верх.- Волж. кн. изд-во, 1983.
2. *Березин В.М., Добронравов В.Г.* Историко-статистическое описание перквей и приходов Владимирской епархии. – Владимир, 1898. Вып. 5: Шуйский, Ковровский, Вязниковский, Гороховецкий уезды.
3. Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области: В 2 т. / Сост. А. Семенов, Е. Селиверстов. – Владимир, 2001.
4. *Ершов А.Л.* Церковь на земле Владимирской в 1930-е годы. – Владимир: Калейдоскоп, 2011.
5. Сайт «Комиссия по канонизации святых Владимирской епархии» // <http://www.vladkan.ru/personal.html> (Дата обращения: 07.02.2024)
6. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-2626. Оп. 2. Д. 627.

Беляковы в гороховецком имении Некрасовых

*Зыкова Анна Александровна,
г.Нижний Новгород*

Владимирская земля занимает особое место в истории нашей страны. Её значение невозможно переоценить. А уж представить Золотое кольцо России без его городов-жемчужин – Владимира и Суздаля – очень трудно. Владимирская земля даровала миру такие объекты культурного наследия, как церковь Покрова на-Нерли и Золотые ворота. Для многих художников, режиссеров, поэтов и писателей Владимирская земля явилась источником вдохновения. Не исключением стало и небольшое сельцо Алешунино, ныне Муромского района Владимирской области. В этом небольшом сельце любил бывать великий русский поэт, «певец народа» Николай Алексеевич Некрасов. Свое гороховецкое имение Николай Алексеевич посетил весной 1853 года, где провел несколько месяцев. Настолько красоты здешних мест очаровали Некрасова, что из-под пера поэта вышел роман «Тонкий человек». В этом романе герои, Грачов и Тростников, как и сам Николай Алексеевич, до сельца добирались в половодье.

При написании романа «Тонкий человек» Николай Алексеевич опирался на свои впечатления от поездки во Владимирскую губернию и пребывания в своем гороховецком имении Алешунино. Именно здесь писатель «подсмотрел» героев для своего произ-

ведения. Николай Алексеевич во время пребывания в имении охотно разговаривал с местными жителями. Сохранились некоторые воспоминания той поры о поэте. В частности, Арина Ивановна Лебедева вспоминала: «Первый раз к нам Некрасов приехал, когда я уже невестой была. Барин был приятный. С мужиками подолгу разговаривал».

Возможно, в ком-то из моих предков Беляковых был «подсмотрен» герой произведения Николая Алексеевича. Ведь Беляков Антон был кучером, хорошо знал аleshуниhские места и окрестности, в том числе и охотничьи места. Охоту Николай Алексеевич очень любил! О чем писал своему близкому другу писателю И.С. Тургеневу: «Живу я с конца апреля в маленьком именишке моего отца, которое он передал мне, близ города Мурома, деревенскую жизнь не тягочу; хотя весенняя охота везде бедна, однако же здесь дичи так много, что не было дня, чтоб я не убил несколько бекасов и дупелей, не говоря уже об утках, которых я уже и бить перестал... В мае месяце убито мною 163 штуки красной дичи, в том числе дупелей, бекасов, вальдшнепов и гаршнепов 91 штука». Даже местные мальчишки принимали участие в охоте! Яков Егорович Седов, местный житель, вспоминал: «Бывало соберет нас, мальчишек, Николай Алексеевич, человек 10-15 и скажет: «Вот в лесу, с этого места становитесь один от другого шагов на 20-25 и шумите... Николай Алексеевич – хороший был барин и с нами, ребяташками, посмеется, поговорит и конфет даст за наш крик на охоте».

Моя прабабушка, в девичестве Белякова Любовь Прокофьевна, была родом из сельца Аleshунино. Бывая в этом сельце, я задавалась вопросом, особенно, когда была маленьким ребенком, как же жили наши предки в прошлом и чем занимались. Даже отвечая на вопрос взрослого поколения, какая у меня мечта, я отвечала: «Хочу попасть в прошлое и узнать, как жили предки!». Прошло несколько лет, и теперь я имею представления о том, как же жили люди в прошлом! Благодаря генеалогическим сообществам, статьям в интернете, да и просто общению с исследователями-любителями, я начала

изучать генеалогию: в каких источниках и в каких документах можно найти информацию о былых временах! Таких источников и документов оказалось большое количество: это метрические книги, ревизские сказки, уставные грамоты, ландартские книги, окладные книги, статьи в местных газетах прошлого, научные исследования ученых-филологов. А сколько всего еще не изучено! Постепенно из небольших кусочков стал складываться генеалогический пазл. В этой науке интересно всё, даже просто узнавать имена предков, ведь некоторые из них очень необычны для слуха современного человека, например: Соломония, Саломея, Синклития, Гликерия и Мавра.

Итак, благодаря архивным данным, удалось выяснить, что когда-то село Алешунино (село назывался населенный пункт, в котором находилась усадьба землевладельца) было частью Боровицкой волости Гороховецкого уезда и входило в приход церкви Николая Чудотворца села Боровицы. На данный момент церковь сохранилась, но своих религиозных функций, к сожалению, не выполняет.

Название же села «Алешунино» имеет несколько вариантов происхождения: от имени Алешуня, производного от церковного имени «Алексей», означающего «оберегающий» или «алашань», слово из мордовского языка, означающее «конский, лошадиный», или тюркское слово «алаша», также «лошадь».

Примечательно, что село было поселено вновь после 3 ревизии на пустоши, из крестьян села Клин и деревни Софонино.

Мои весенние и летние каникулы в пору школьного возраста прошли в Боровицах, недалеко от Алешунино. Несколько раз с родителями нам приходилось преодолевать разлив на лодках, чтобы попасть на «большую землю». Насколько величественным бывает разлив! Кругом разлитое серебро (вода), в котором отражаются и блестят лучи весеннего солнца!

Дальний известный представитель семьи Беляковых, крестьянин деревни Алешунино – Иван, около 1770-х гг. рождения. У Ивана Белякова был сын Ларион (Илларион), родился в 1801 году, был женат на Евдокии Яковлевне. Вместе с супругой у них было трое сыновей: Петр Илларионович, Ефим Илларионович и Антон Илларионович Беляковы. Антон Илларионович родился в 1822 году, был ровесником Николая Алексеевича Некрасова. Именно от сына Антона Ларионовича, Прокопия (Прокофия) и его супруги Прасковьи Петровны, идет род моей прабабушки Любови Прокофьевны. Семья Белякова Прокофия была большой. В Алешунино

на свет появилось 11 детей. Не все дети, к сожалению, выжили. Моя прабабушка была последним, младшим ребенком.

Есть в нашей семье интересная история, связанная с Николаем Алексеевичем Некрасовым, в частности с рукописями поэта. По воспоминаниям нашей родственницы, одна из сестер моей прабабушки, Дарья Прокофьевна Белякова, вышла замуж за жителя деревни Михайловская, Чудакова Алексея. Именно в доме, где проживали Чудаковы, на чердаке были найдены рукописи поэта. Какие именно это были рукописи, незаконченные произведения или наброски новых, доподлинно пока не удалось установить!

Также документально было установлено, что Антон Ларионович Беляков усыновил мальчика по имени Максим. Дети Максима Белякова очень тесно поддерживали связь с детьми Прокофия Антоновича. В частности в качестве восприемника (крестного) при крещении моей прабабушки указан сын Максима Демидовича, Семен Максимович Беляков.

Из метрических книг (ранее все акты гражданского состояния фиксировались в специальных книгах при церкви) стало известно, что в 1872 году приемный сын Антона Белякова женился на Мелании Сергеевне из деревни Софоново, бывшем имении Некрасовых. После кончины Николая Алексеевича, земля на которой располагалась усадьба, была завещана кучеру Антону Белякову, затем, после смерти Антона Белякова, его невестке Мелании Сергеевне. Выбор наследника был весьма неоднозначным. Даже в какой-то момент мне показалось: не является ли Максим, усыновленный Антоном Беляковым, внебрачным ребенком Николая Алексеевича? Ведь по исследованиям известного филолога, текстолога и биографа Бориса Лаврентьевича Бессонова, посещал сельцо Алешунино Николай Алексеевич не один, а вместе с Авдотьей Яковлевной Панаевой. Правда, сохранилось косвенное предположение о том, что тяжелое состояние Авдотьи Яковлевны во время пребывания в Алешунино было вызвано родами. Есть упоминание, что Николай Алексеевич обращался к услугам аптекаря в г. Вязники. Этот факт зафиксирован в записках сына вязниковского купца М.И. Сизякова.

В 2023 году в метрической книге Николаевской церкви села Боровицы была найдена запись о рождении Максима Демидовича у вдовы Варвары Ивановны. Да и свидетелем пребывания Авдотьи Яковлевны с ребенком в Петербурге является М.Ф. Корш. Вот что М.Ф.Корш сообщала своей подруге о Панаевой Авдотье Яковлевне: «Сын ее здоров, она счастлива».

Некрасовское имение Алешунино было и остается небольшим селцом с интересной историей, хранящим память о русском писателе и поэте Николае Алексеевиче Некрасове, и прекрасным уголком природы, где каждый год проводится фестиваль поэзии «На поклон к великому поэту».

Список использованной литературы:

1. Михеев М. «По Некрасовским местам» /М.Михеев// Призыв.-1957.-13 июля
2. Бессонов Б. «Некрасов в Алешунино» /Б.Бессонов// Муромский рабочий.-1977.-29 ноября
3. Бессонов Б.Л., А.Ю. Балакин «Н.А. Некрасов. Отражение биографии в творчестве (проспект монографии)» /публ. А.Ю. Балакина// Новое литературное обозрение. -4'2016.-№140
4. Интернет-портал электронная библиотека «Усадьба Алешунино (Муромский район)». Режим доступа: <https://land.lib33.ru/site/publication/4314>
5. Н.В. Максимова «Это волшебное слово «экспедиция»! /Н.В. Максимова// [Владимиро-Суздальский музей-заповедник/-](https://dzen.ru/a/X9xZZETozmIcYdoo)
Режим доступа: <https://dzen.ru/a/X9xZZETozmIcYdoo>
6. ГАВО. Ф.590. Оп.28. Д.122
7. ГАВО. Ф.590. Оп.28. Д.123
8. ГАВО. Ф.590. Оп.28. Д.124
9. ГАВО. Ф.590. Оп.28. Д.125
10. ГАВО. Ф.590. Оп.28. Д.126
11. ГАВО. Ф.590. Оп.28. Д.127
12. ГАВО. Ф.590. Оп.28. Д.128
13. ГАВО. Ф.556. ОП.111. Д.254 (1815 г.)
14. ГАВО. Ф.556. ОП.107. Д.212 (1830 г.)
15. ГАВО. Ф.556. ОП.107. Д.737 (1860 г.)
16. ГАВО. Ф.556. ОП.111. Д.644
17. ГАВО. Ф.301. ОП. 5 Д.747
18. Ершов В. «Топонимические предания: региональная топонимия юга и юго-востока Владимирской области»/В.Е.Ершов//
Режим доступа: https://www.litres.ru/book/viktor-evgenevich-er/toponimicheskie-predaniya-regionalnaya-toponimiya-uga-8862480/?lfrom_processed=299912933

Леванидовы Иван Николаевич и Валерий Иванович (о двух представителях рода Леванидовых)

*Кошелева Татьяна Владимировна,
г.Москва*

Находясь в дивном древнерусском городе Гороховце, как бы застывшем с XVII века, чью архитектуру восторженно восхвалял в 1919 году академик Игорь Грабарь, невольно думаешь, что должен был найтись за всю долгую историю города поэт, воспевший красоту этого чудесного уголка России.

Таким человеком по праву может считаться Валерий Иванович Леванидов, увековечивший, правда в красках, гармонию и красоту этого старинного древнерусского города.

Иван Николаевич Леванидов

Сын потомственного почетного гражданина Ивана Николаевича Леванидова родился в 1905 году в Риге, но уже через несколько лет семья переехала в родной для Леванидовых Гороховец, где и прошло детство будущего художника. Сам этот город, природа окрестных мест глубоко запечатлелись в памяти Валерия Леванидова. К ним он станет возвращаться в течение всего своего творческого пути.

Неизвестно, когда впервые проявилась тяга мальчика к живописи и кто были его первые учителя. Поначалу он занимался игрой на скрипке, и это раннее увлечение музыкой впоследствии сказалось в стилистике его художественных произведений – утонченностью их образного строя, мелодической гармоничностью «цвето-музыкальной» палитры.

Валерий Леванидов получил основательное художественное образование. С 1923-27 гг. он учился в Нижегородском художественно-промышленном техникуме. Его учителями были выдающиеся художники В.А. Ликин (<https://names52.ru/1/tpost/f1153llbx1-likin-vasilii-andreevich>), А.В. Фонвизин. Во ВХУТЕИНе (г.Санкт-Петербург), где художник обучался с 1927 по 1930 гг. на живописном факультете, Валерий Иванович занимался у С.В. Герасимова, К.Н. Истомина, А.А. Осмерки-

на, оказавших на него, каждый по-своему, благотворное влияние. Однако, молодой художник был достаточно талантлив, чтобы не оказаться в плену чьей-либо манеры или стиля.

Уже первые самостоятельные работы Леванидова дают повод говорить о мастере со сложившейся творческой индивидуальностью. Ему не потребовалось многолетнего периода накопления художественного опыта, чтобы сказать свое слово в искусстве. Его живописная концепция сформировалась в 1930-е годы. Художнику было дано видеть необычность обычного: в самом простом – будь то деревенские сараи или несколько деревьев – он находит глубокие созвучия духовной жизни человека, миру наших чувств и настроений.

Тяготая к тональной живописи, Валерий Леванидов умел с помощью мягкой цветовой гаммы отображать тончайшие, чрезвычайно хрупкие состояния в природе.

Лучшие работы Леванидова 1930-х годов словно озарены радостью первооткрытия. Мир увиден в них человеком, благодарно переживающим возможность запечатлеть красоту всего сущего на земле. При этом мотив, привлекавший художника, может быть весьма скромным, как, например, в картине «Сарай. Гороховец» (1937). Важно, что человек с холодным сердцем не вдохновился бы, подобно ему, видом голубых рефлексов на охристо-темных бревнах, не заметил, как сгущаются эти рефлексы до фиолетовости в тенях, не передал первоизданной свежести зеленой листвы, в которой запутались сгустки небесной синевы. Художник пишет не только эти крыши, ветви, небо, он выражает чувство своего восхищения их сокровенной красотой.

Как писал в своей статье о художнике зав. отделом современного искусства Государственной Третьяковской галереи Станислав Михайлович Иваницкий: «Искусству Леванидова присущи особая самоуглубленность, поэтическая проникновенность, интимный лиризм. И еще – мудрое постижение разлитой в мире сокровенной красоты... Искусство его - доброе, на редкость чистое».

Один из любимых пейзажных мотивов Леванидова, к которому художник будет возвращаться на протяжении всей жизни – это изображение далей. Здесь, скорее всего, сказались ранние впечатления детства, пережитые при виде отрывающихся просторов с высот Пужаловой и Лысой горы родного Гороховца.

Как художественный образ этот мотив привлекал художника возможностью взволновать зрителей зовом безграничных просторов земли, напомнить людям об их извечном стремлении к

свободе. В картинах «Гороховец. Даль» (1936) и «Голубая даль» (1936), а также в ряде акварелей воссоздание целостного впечатления предпочтено топографически статичной фиксации деталей. В своих многочисленных пейзажных панорамах Валерий Иванович мастерски передал тончайшие цветовые эффекты световой среды, гармоничные соотношения земли и неба, влекущие своей бесконечной глубиной перспективы.

Интересной разновидностью далевого мотива в творчестве Леванидова были его городские панорамы. С какой увлеченностью переживаем мы атмосферу размеренной жизни маленьких городков, разглядывая их изображения на его акварелях! Художник демонстрирует виртуозное владение этой сложной техникой, легко переключаясь с одной манеры на другую. Трогательно знакомы нам все эти хаотично разбросанные домишки, возчики на телегах, деревянные заборы – всё наивно-игрушечное, но опять-таки убеждающее, глубоко волнующее.

Сколько мы видим в них острохарактерного, точно схваченного, переданного в главной сути своей!

С 1931 года молодой художник переселяется жить в Москву, где становится активным участником московских выставок. В 1934 году его работы экспонировались на выставке начинающих молодых художников, затем в 1936 году на выставке-смотре произведений молодых художников, также в 1937 году на очередной выставке молодых художников. А в 1939 году состоялась персональная выставка Валерия Леванидова в Москве.

«Правдивая передача натуры, ясность и простота композиционных решений, искренность авторской интонации – на эти идейно-художественные принципы опирался Леванидов в своем искусстве. Художник непосредствен даже там, где прибегал к значительному преобразению реального мотива. Выписывать до стереоскопической наглядности ординарные мелочи вообще не было ему свойственно. Общее выражение для него было важнее, чем акцентированное внимание к отдельным деталям. Обобщая впечатление, Леванидов придавал ему известную долю эстетизации», – писал о художнике С.М. Иваницкий.

С первых шагов в искусстве Леванидов с увлечением работает в жанре портрета. Писал он главным образом близких и хорошо знакомых людей. Работая над портретом, художник не ставил себе специально задач типизации, однако ему мастерски удалось передать характерные черты духовного облика людей еще дореволюционной эпохи. Тонко психологичны его портреты ста-

риков, в чьих лицах сквозит душевная цельность и нравственная чистота людей России ушедшей.

К числу бесспорных удач Леванидова-портретиста относится его «Автопортрет» (1939). С него на нас смотрит художник, наделенный ясно выраженной творческой активностью, сознанием ответственности за свое искусство.

Иван Николаевич Леванидов

Лучшие портреты художника, как и пейзажи, свидетельствуют о лирическом характере его дарования... Поэтическая проникновенность была для него естественной формой художественного исследования жизни.

Художник оставил несколько портретов отца, Ивана Николаевича Леванидова. Его письма к сыну-художнику являются ценным свидетельством о положении дел в после-революционном Гороховце периода между 1921-1940 годами.

Из писем потомственного почетного гражданина Ивана Николаевича Леванидова:

Из письма 1927 года:

«Милый, дорогой мой Валюшк, пиши подробно, как ты устроился, будет ли у тебя возможность продолжать учиться, есть ли надежда на стипендию, помочь тебе некому, на поступление на службу я не рассчитываю – надежды на то, чтобы акциз сформировался отдельно от ВФО что-то нет... Мои дела очень неважны, из Москвы насчет пенсии ответа еще нет.... Из Иваново мне писали, что Пенсионный устав не так давно пересмотрен, но так как сведений нет, получаю все те же 12 р. 25 к. Приходит зима, у меня теплого ничего, квартира на зиму тяжела в отношении топки, как буду жить, не знаю... Итак, Валюшенька, ты у меня одна моя радость – умка, работай. Целую тебя крепко-крепко... Любящий тебя Папка. Если буду жив, то мечтаю конец жизни прожить хорошо, безбедно: будет и тебе.»

Из письма конца 1927 года:

«Письмо твое получил, очень печально, что тебе не дали стипендию и приходится жить при таких скверных условиях, как ты выдержишь такую жизнь, меня очень беспокоит... Мое житие также очень плохое. Я переселился из деревни, потому что хата не устроена, как ты видел, без стекол. Холод был ужасный, по хате гулял ветер, мучился сильно, а деваться было некуда. Наконец нашел эту квартиру, занимаю одну комнатку за 4 р. в месяц, но и тут не легче, только что не дует, а температура с утра до вечера 6-8°. Натопят вечером печь 12-14 – нормально, а к утру все выстынет. Хожу целый день в пальто и то холодно, согреться нечем, питание скверное – больше одна картошка. Живешь, мучаешься, не знаешь для чего, так что и помереть не прочь, хоть и легок не по годам и, пожалуй, мог бы еще служить, всё ж таки без году 70 и вот при такой старости приходится страдать... Да, Валюшенька, ты один мое утешение, дал бы Бог тебе довести дело до конца, если бы я дожил, то полюбовался бы тобой, порадовался. Пиши, милый.

Любящий тебя Папка.

Наверное, до лета не увидимся, а летом приезжай ко мне рыбки ловить, отдыхать, тогда я немножко побольше буду получать пенсии. Проживем, хоть не так сладко».

Письмо от 17 января 1928 года:

«Дорогой мой Валюшик, письмо твое читаю с удовольствием, желаю, чтобы дело твое осуществилось. Ты, милый, обо мне не заботься, я кое-как до своего конца дотяну, меня уж ничем не восстановишь, дело клонится к известному неминуемому концу. Старайся устроиться так или иначе для себя и как будет возможность, не отказывай себе, тебе с молодых лет надо беречь здоровье, не морить себя... Недостатки и лишения в студенческом возрасте портят здоровье, и затем это отзывается на всю жизнь... Итак, Валюшенька, устраивайся и обо мне не заботься, я проживу, милый, думай о себе. Я и то болею сердцем, как ты при твоих занятиях живешь без всякой помощи. Я хотел устроиться в канцелярию лесничества сторожем на 17 р. с тем, чтоб самому заниматься в канцелярии... Жил бы тогда немножко лучше и тебе бы мог высылать пятерку, но биржа труда этого не допустила, назначили другого, хотя я и был согласен...

Из письма от 19.05.1928 года:

«Дорогой Валюшик, жду от тебя письма, когда ты приедешь. Пиши скорее, чтоб успеть послать тебе денег на дорогу и сколько. Билет бери до ст. Чулково. Я тебя встречу на станции, только пиши с таким расчетом, чтоб я получил письмо дня за два до твоего отъезда из Москвы. Знай, что почта к нам в деревню приходит 2 раза в неделю по вторникам и пятницам и посылай самое лучшее заказное, а то бывает и так, что если в деревню есть одно простое, то почтальон пересылает его с кем-нибудь другим и письмо может затеряться...»

Из письма от 02.11.1928 года:

«Дорогой мой Валюша,

Я остаюсь на зиму в деревне. Устроился в задней хате, сложили очень удобную печь, отдал за работу 10 руб. в счет квартирных, расположился уютно, в комнате очень тепло и вообще помещением доволен. В Гороховце квартиры не нашел и на старую мерзнуть идти не хотелось, а потом разболелся и в Гороховец целый месяц не ходил. Живу так же, как ты знаешь было летом. Скука, положим, страшная, рыбная ловля прекратилась, артель не образовалась... Жду, когда замерзнут озера и Клязьма, буду ходить блеснить, все говорят, что эта ловля очень прибыльна, приезжают блеснить из Вязников и ловят окуней довольно много, а потом думаю заняться охотой насчет лис, их здесь много. Я сам натыкался на не одну, в морозы буду от нечего делать плести корзины, запаса прутьями. Так вот, милый Валюсинька, как пришлось жить твоему Папке, горько, но ничего не поделаешь. Пенсии дают 16 р. 37 к. Хлеб доходит до 10 руб. пуд, теперь снизился до 5-6 р., да и все страшно дорого: картошка 1 р. 50 мера, вот и живи, как хочешь, единственно, что еще не так дорого, так это мясо. Мне плохо, а представляю, что тебе еще хуже, как ты будешь жить, если не дадут стипендии. Пиши, если тебе очень туго, то я около 15 числа вышлю тебе рублей 5, пиши обязательно. Пиши, милый, буду ждать.

Любящий тебя Твой Папка».

Из письма от 20.04.1929 года:

«Дорогой Валюшинька,

Давно я тебе не писал, ожидал переезда в деревню, но погода и бездорожица меня задерживают в Гороховце. Я уговорился с артелью колбасников, поступаю к ним в счетоводы, жало-

ванье 12 р. в месяц, квартира готовая на всем их содержании, т.е. стол и все другое прочее, жить в дер. Хобалева, 10 верст от Гороховца, на берегу Клязьмы за Быстрицами. Работа такая: вести счета и книги, часа на два в день, остальное время свободно, сидеть на Клязьме и ловить рыбку. Кстати, артель имеет неводок и снимает в аренду озеро, время от времени буду заниматься этим делом с ними. ...Недосказал тебе главного, а именно: пенсия сохраняется, в общем на всем готовом получится 24 руб. с копейками...Если за это время не встретиться никаких препятствий к поступлению, то дело будет хорошее и для меня и для тебя - как-нибудь дотянем тогда до своей цели: ты до окончания ученья, а я до конца своей жизни. Вот такие-то дела, Валюк мой.

Новостей в Гороховце нет, разве только то, что вот уже второй месяц сидят в тюрьме поп Иван Сахаров и Гороховецкие буржуи Рычков, Фролов, Матвеев и Сметанин сын. Второе, сюда на лето во Фролищи должны перебраться в лагери четыре полка, устраивают артиллерийский полигон...Ты писал, что тебе придется отбывать лагери, если так, то нельзя ли тебе попасть также в один из Нижегородских полков и быть на Фролищах, тогда бы мы могли видеться чаще: артель доставляет туда колбасу и открывает там ларек, я бы тебя частенько навещал, снабжал бы колбасой и другим необходимым по возможности. Мне бы хотелось, чтобы ты устроился так...».

Письмо от февраля 1929 г:

«Милый дорогой Валюша,

Письмо твое от 2 февраля получил только 9-ого. Не писал тебе так долго, потому что нездоровилось да и холодно, не слезаю с печи с утра до вечера, топлю из-за экономии один раз, а морозы до 42 градусов были. Живу не живу, а вернее сказать кое-как тяну до смерти... С одной стороны жалею, что остался на зиму в деревне, а подумаешь, что бы дал мне и город-то, в особенности при теперешних моих средствах. Скверно, Валюшечка, очень скверно, но ничего не поделаешь, в нынешнее время никак лучше не устроишься. Жду с нетерпением лета, тогда хоть не будешь сидеть в хате, хоть дело не в дело, а будешь проводить время на мосту...Пиши, Валюшинька, о себе подробнее – как ты только живешь, я бы тебе еще прислал, да меня одолевают дрова, в этот месяц последний на них расход 10 руб...».

Письмо от 24 мая 1929 года:

«Письмо твое меня радует. Я очень доволен твоими успехами. Работать не оставайся, приезжай отдохнуть, у меня будет хороший отдых и насчет стола не беспокойся, голоден не будешь: мясо есть, молоком я обливаюсь, запас берегу пшеничной мучки. Приезжай с товарищем, проживем. Тебе будет веселее вдвоем, помещение есть, передняя, где ты был, свободна... Будешь отдыхать и ловить рыбку... Денег мне не присылай и не думай об этом, если же у тебя найдется возможность, то купи мне коробку мотыльковых крючков, самых маленьких и в аптекар. магазине «Мерум верум» и «Фенум Греким». Это раньше стоило пустяки-копейки, да к керосинке два фитиля, они в Москве 25 к., здесь их нигде нет, а они необходимы. Думаю, что это все составит не более 2 руб. и пересылка 16 к., если скоро не приедешь сам. Я тебе их возвращу. Итак, Валюшик, жду тебя. Пиши, когда приедешь в Чулково, я выйду тебя встретить. Приезжай с товарищем, не стесняйся. Жду, любящий тебя твой Папка».

Письмо от 30.01.1930 г.

«Дорогой мой Валюшик,

Письма наши разошлись. ...На прошлой неделе был в Гороховце, жил там три дня, ждал пенсии и не дождался... В Гороховце все мрут, умер Поспехов от разрыва сердца, умер отец Черепова и еще которых ты не знаешь. Скоро должна быть и мне такая же участь, иногда со мной бывает очень нехорошо, в особенности по ночам, старость-то старость, а думаю, что тут виновата и хата, из подполья холод, никак не согрею ног... Напиши, какой ты купил маленький аппарат, кодак или другой какой и удобнее ли старого нашего и для каких снимков. Аппарат присылать не торопись, сейчас зима, им делать нечего, а бумаги хоть немного пришли и скажи, не нужны ли тебе те карточки...»

(Интересно, что, разбирая архив художника, я нашла ряд старых любительских снимков, сделанных, по всей видимости, еще до революции 1917-го года либо в первые послереволюционные годы. Видимо, это раннее увлечение отца и сына искусством фотографии нашло потом продолжение в художественном творчестве Валерия Леванидова.)

Письмо от 04.05.1930 г:

«...Вчера получил от тебя посылку, за что очень благодарен. Все это хорошо, спасибо, только не обидел ли ты себя, ведь тебе деньги самому нужны....Я тебе писал, что я из деревни уехал 4-ого апреля и живу с тех пор в Гороховце...Служу в конторе Раймолокосоюза. Хоть и трудненько мне под старость лет, но ничего не подделаешь, был без сапог и весь оборвался, теперь справил себе сапоги и выручил свой сюртук, который был упрятан с 22 года. ...хожу иногда обедать в столовую Инвалидов, но тоже выходит и плоховато и дороговато. Жду, обещали дать квартиру в доме Лаврова, и даже бесплатно с тем, чтоб в свободное время по вечерам вести книги по счетоводству. Это квартира от Жакта /жилищно-кооперативное товарищество/. Квартира, правда, неважная - кухня, такая же хата как в Хабалеве, только одно хорошо, что отдельная, самостоятельная...»

Письмо от 23.06.1930 г:

«Дорогой мой Валюшенька,

Письмо твое получил, ждал его и беспокоился, что ты ничего не пишешь....Теперь устроился и работаю в Жакте, правда, вознаграждение грошовое, больше согласился из-за квартиры, они дали мне бесплатную квартиру по Большой улице в доме б. Исправника Лаврова. ...Работаю у себя на дому, когда захочу, и совершенно свободен, что для меня очень важно. Если я при таких условиях с пенсией буду иметь рублей 30 в месяц, то для меня достаточно. Все равно приобретать нечего в Гороховце, ничего нет, также нет ни мыла, ни папирос, ни табаку – давно нет самого необходимого: нет керосину, приходится платить полтинники и брать обеды в столовой, или на заводе, или у инвалидов, а с их обедов я пять дней валялся в постели, ходил к доктору и теперь только встал, пишу тебе это письмо, а живот все побаливает ...Пайки тоже урезали, говорят, что муки не будет до нового урожая, вот и живи, как знаешь. Одного только вполне достаточно это молока, мне не отказали, и беру в молокосоюзе, бери хоть по четверти ежедневно...Рыбу здесь не ловлю: отчасти некогда было, да и негде ставить подпуска...было, что до сих пор ловилась очень хорошо, главным образом стерлядь. Задумал я купить ботник, ездил на ярмарку в Павлово, было нас 10 человек и все возвратились без ботников, расхватили их раньше нас – приезжали с Волги, один купил и то

не ботник, а только одно дно ботника. Поправлюсь здоровьем, пойду в Хабалево, а оттуда в Перово. Думаю, что куплю там подержанный и тогда займусь рыбной ловлей, хоть на уху да буду иметь всегда. Мяса давно нет, а покупать рыбу из-под полы дорого – 40-50 к. фунт. Снастей у меня достаточно и время хватит. Валюничка, большое спасибо тебе за посылку – костюма мне теперь не надо, разве что осенью купить брюки. Я свой сюртук и жилет выручил, сукно старинное дорогое, и мне хватит его до смерти. Ботинки у меня есть, еще хорошие, сапоги тоже я сделал, как переехал сюда, так что теперь я в этом не нуждаюсь, так что, Мильи, не покупай мне ничего – не расходишься, а по возвращении из своего путешествия перед тем, как ехать ко мне и будут деньги, то посмотри на рынках, нет ли подержанного велосипедного фонаря и в лавках или аптекарском магазине карбиту для него. Это мне на осень ездить с острогой, ...а ботник будет....Как уедешь, извещай меня хоть коротко открыткой, где ты будешь и, как кончишь (поездку), приезжай прямо ко мне, у меня будет тебе удобнее. Буду ждать тебя. Твой любящий тебя Папка».

Письмо от 19.09.1930 г.:

«Письмо твое получил, Очень жалею, что ты не приехал, хоть ненадолго, и долго не придется с тобой видеться...Я работаю в Жакте. Пока в нем только 14 домов, и я получаю очень мало, но пользуюсь бесплатной квартирой. С 1-ого октября переходят в Жакт все остальные дома: от ком. отдела 52 дома, всего будет 66, и с 1-ого октября обещают дать 50 р. в месяц и другую лучшую квартиру, отопление и освещение. Последнее много для меня значит, т.к. дрова теперь в Гороховце 35 р. сажень, а керосину совсем нет вот уже 2 месяца. Мне недавно Жакт дал немного, а то сидел в потемках. В будущей квартире обещают дать электричество. Жизнь в Гороховце тяжела. В ком. лавках ничего нет. На базарах мука 25 р. пуд, картофель мера 5-6 р., коровье масло 12 р. фунт, яйца 6 р. десяток, куры 5-6 р. шт., а больше и нет ничего. У меня вся пища хлеб да картошка, иногда беру в столовой обед 50 к. – пустые рыбные щи да каша, но, во-первых, все это невкусно, мало и несътно. До сих пор получал по старой службе из Молокозавода молоко, но теперь не дают, отказали многим и по запискам врачей. Плохо и очень плохо, думаю даже зиму прожить в Гороховце, а летом как буду жив, куда-нибудь уехать вроде Кавказа. Пиши, как ты устрои-

ся в Ленинграде, в случае чего могу тебе с 1 октября помочь. Пиши, не стесняйся. Здоровье мое как будто бы ничего, но заметно, что от такого питания слабею, да и годы мои взять в расчет.

Пиши. Любящий тебя Папка»

Письмо от 25.11.1930 г., Ленинская дом 54, «Жакт»:
«Милый дорогой Валюшенька!

Так как я давно не получал от тебя письма, то для отдыха душевного перечитываю твои старые письма, поэтому прошу тебя написать мне, как ты живешь, как твои дела и когда ты кончишь, когда мы по случаю твоего окончания устроим праздник. Пиши новое. О себе скажу, что я, как уже писал тебе, из Молокозавода перешел в Жакт. Поначалу, как поступил работать, было ничего, часа два в день, за это я получал в доме № 80 бесплатную квартиру и 20 р. в м-ц. Теперь же с 1-ого октября Горсовет передал нам 27 домов, да и было 14, всего 41, в которых 164 квартир, работы стало уже не на 2 ч., а от 8 утра и до 8 вечера благодаря тому, что при конторе мне отделили маленькое помещение и я нахожусь в ней целый день, в мои обязанности кроме конторской работы возложено получать с квартирантов деньги, а они вносят, когда им вздумается и идут по целым дням с утра до вечера; с кассой мне возиться немного не нравится, но дело так поставлено, что кроме меня возложить не на кого. Так мы установили время для занятий от 9 до 12 и с 5 до 8 вечера, но это плохо соблюдается и самими членами правления, так что и приходится работать во весь день. За это назначили 60 р. жалованья, квартира, отопление и освещение, а это для меня составляет многое, т.к. дрова теперь в Гороховце 35-40 руб. сажень, а керосину выдают по 2 л на месяц. Я не знаю, как бы я жил на одном пенсионе 16 руб. Хотя и тяжело и немножко неприятны бывают обращения членов, но делать нечего, приходится терпеть, тем более зима, деваться некуда, квартир нет, из-за них ежедневно идет скандал. Выгодно-то выгодно служить, тем более что и то, что я сохраняю пенсию, так что всего выходит 76 руб., но для меня старика тяжело, слух и зрение притупились. ...Передохнешь, покуришь и снова за счеты. Беда еще в том, что курить-то нечего. Летом, когда были красноармейцы, покупал у них и по рублю, и по 2 за 8 сигар, а теперь и по другой цене не достанешь. ...Что тебе еще, милый,

написать, не знаю, пиши ты, а я буду писать, что найдется для тебя интересного, нового.

*Жду тебя самого. Скоро ли?
Любящий тебя Папка»*

Письмо от 14.12.1930 г.:

«Дорогой мой Валюшенька,

Одновременно с сим посылаю тебе (фото)аппарат и 15 руб. особым переводом денег, прошу тебя купить мне, если можно, несколько фунтов махорки, чаю, сахару, лаврового листу, если можно, хоть пол фунта горчицы, если найдется, то и перец, только не молотого, а горошком, а главное, побольше махорки, у нас ее ни почем не достать. Думаю, что на эту мелочь денег хватит, оставь на пересылку, своих денег не расходуй, они тебе нужны....Если возьмешь отпуск, то сообщи, приедешь ли в Гороховец. Я хочу тебя очень видеть. Живу, конечно, лучше, чем на одном пенсионе, но скажу тебе, что служба очень тяжелая, в работе целый день и отдыха нет. С 9 утра и до 7-8 вечера все публика и публика грубая, озорная, серьезной работы делать днем не приходится, сижу за ней по ночам до 12 и более. Ничего не поделаешь, терпишь, деваться некуда, а тут выгода та, - квартира, дрова и свечи..., а дрова-то у нас 40 р. сажень...»

Письмо от 29.01.1931 г.:

«Письмо твое получил и сейчас же отвечаю.

Денно собирался написать, но так загружен работой, что ни днем ни ночью не знаю покоя, работаю до 2-3 часов ночи, а иногда и до утра сижу. ...Увижу, что будет с весны, летом. Если будет все так же, то хоть брось службу – для меня трудно это, сильно устаю. Но об этом оставим. Главное, тороплюсь тебе написать то, чтобы ты не покупал мне ничего и не слал посылку. Куревом я обхожусь благодаря рабочим (плотники, печники и другие), которые у нас работают, достаю у них, а остальное можно и без него.

Так что не шли. Не утруждай себя халтурой, а лучше береги свое здоровье и это время, которое у тебя идет на халтуру, употреби на свои занятия, а мне напиши, сколько тебе требуется на содержание, я тебе буду высылать ежемесячно. Пиши и сделай так обязательно... Посылку не смей посылать, не траться.

Любящий тебя Папка»

Письмо от 01.12.1934 г.:

«Дорогой Валюша,

Уведомляю, что письмо и деньги получил, за что тебе большое спасибо. Зимовать остался в Хабалеве...некоторым образом в деревне нахожу в отношении питания жить удобнее. У нас на рынке в городе теперь не продают ничего: ни муки, ни картошки, даже запретили торговать овощами, как то: капустой, морковкой, луком и др.

Мясо, молоко имеются: первое от 7 до 9 руб., молоко 1 р. 60 к. за литр. В деревне я покупаю муку 40 (?) р. пуд, картошку 3 р. мера, молоко 1 руб. литр и плюс ко всему этому хоть немного, но своя рыба. Этот месяц Ноябрь правда ловить нельзя, но как только замерзнет Клязьма и озера, рыба опять будет...В Гороховце с 1 января карточек на продукты выдавать не будут, будет коммерческий магазин. Думаю, что будет лучше, потому что обещают торговать всем: мукой, крупой и бакалеей. А пока что прошу... прислать мне немного сахарку, я его не видел все лето, не вижу и теперь, в продаже у нас его нет. Пью один кипяток вприкуску с хлебом... И чего-нибудь острого вроде брынзы, а то одна картошка, капуста, как здесь говорят, непрерывна, очень пресно и я другой раз за недостатком в желудке лимонной кислоты подливаю в кипяток уксусу и пью...»

Письмо от 05.06.1935 г.:

«Дорогой Валюша,

Присылаю при сем рецепт на очки, прошу тебя возьми по нему в магазине Здравотдела очки и пришли поскорее, я без них как без рук. Мне бы должны их дать в Иванове, но оттуда не дождешься. Был через аптеку послан туда заказ в Декабре, и не получено до сих пор... Я живу все еще в той же кухне, оч. скверно, жду только тебя и думаю, если до тех пор не дадут квартиру, перебраться в деревню ближе к Городу и при реке. Иначе ничего не выходит, частных квартир тут (в Гороховце) нет, а если и бывают, то очень дороги - руб. 25-30. В общем, скажу, что живу скверно, все не ладится и все из-за квартиры...

Пиши, жду письма, тебя и посылку.

Твой Папка»

Письмо от 04.09.1935 г.:

«...дела мои очень плохи. Денег ни копейки, хлеба ни куска. На желудке пусто, на сердце тоска.

Меня подвели сапоги и ботинки, развалились в одно время. За ботинки заплатил и хожу в них. Сапоги нужнее, но еще не готовы. Всего за те и другие 21 руб. Часть отдана. Вторая моя нужда и главная – квартира, живу до сих пор в очень скверных условиях на кухне у К.Н. Вступил поэтому в члены Жакта. Квартиру обещали дать в бывшей бане при доме Мусатова в саду. Пока в ней живет семья из 3 человек...

Да рад теперь и бане, время такое. В столовой, гостиной барской живет народ пролетарский, а в бане барской чиновник царский.

Приедешь ли ты в Гороховец, хоть ненадолго в то время, когда у меня будет своя квартира. Больше писать нечего. Жду. Любящий тебя Папка»

Письмо от 15.04.1940 г.:

«...Не знаю, что делать и как жить...Плохо мне на старости лет, идет 82 год, плохо очень... плохо вижу, еще хуже слышу, оголодал совсем, ноги изменяют – еле двигаюсь, и сильно задыхаюсь. Со всех сторон плох, храбрюсь, но дело не ладится, весь организм мне изменяет. Хорошо, что дело идет к лету, все да легче... Пиши, как живете и где думаете жить лето. Мне бы очень хотелось с Вами видеться, но посоветовать приехать на лето в Гороховец не могу, т.к. ничего нет в лавках и на базаре...Целую Вас всех

Твой Папка»

Письмо 1940-го года:

«Дорогой Мой Валюша,

Уведомляю, что деньги получил, за что тебе большое спасибо! Жду от тебя письма, как Вы живете и где будете жить на даче, только не в Гороховце, потому что здесь ничего нет. Ты спрашиваешь, как я живу, об этом говорить нечего, оч. плохо, главное квартира: живу на кухне и за то плачу 20 р...

Твой Папка.

Почтение Марии Александровне.

Машеньку целую»

Это последнее письмо Ивана Николаевича, незадолго до войны его не стало.

Во время Великой Отечественной войны Леванидов был минером, награждён медалями «За оборону Москвы» (1944) и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (1945).

Сохранилось несколько этюдов военной поры – видов разрушенного Смоленска. Сюжеты первых послевоенных произведений художника мирные. Обращением к ним он словно старался, хотя бы на время, заглушить причиняющую боль память об ужасах войны, которые испытал, которые видел воочию, лицом к лицу. Москва и прежде волновала творческое воображение Леванидова, но отныне стала одной из сквозных, постоянных тем в его искусстве. Поэтической страницей в его наследии воспринимается серия московских пейзажей – «Китай-город» (1947), «Василий Блаженный» (1947), «Туман» (1956), «Окружная железная дорога» (1956), «Заводской мотив» (1957), «Пейзаж с фабричной трубой» (1958) и ряд других.

Пройдет довольно много времени, прежде чем Валерий Иванович обратится к изображению увиденного и пережитого на переднем крае народной борьбы с фашизмом. Лишь в 1970-е годы он создал ряд тематических картин с военно-патриотическим сюжетом, которые стали искренней данью художника-фронтовика памяти о пережитом. Работы Валерия Ивановича на тему войны находятся сейчас в Москве, в музее Обороны Москвы.

Валерий Иванович Леванидов жил сосредоточенной жизнью человека, увлеченного своим призванием. Ищущий, постоянно не удовлетворенный уже сделанным в искусстве, он редко показывал кому-либо свои работы. Был достаточно замкнутой, легкой натурой.

Художник ушел из жизни в Москве 22 марта 1983 года. Он исполнил завет отца: свой творческий и жизненный путь Валерий Иванович прошел уверенно и честно, оставив после себя богатое художественное наследие.

Любимыми «героями» пейзажей Леванидова всегда были деревья. В ранних работах художника они воспринимались как зримые символы жизни, поражая своей неукротимой устремленностью к свету, солнцу, чистому небу.

В «Стволах деревьев» 1976 года, одном из последних произведений Леванидова, изображение могучих стволов, искореженных временем, по всей видимости, воплощает мысли автора о победе духовного творческого начала над смертью. Данная работа

художника – один из ярких примеров метафорического решения образных задач в пейзажной живописи.

Подавляющее число его произведений впервые было обнародовано на суд широкой публике в посмертной персональной выставке, организованной по линии РСФСР в 1986 году.

«Выставка Валерия Ивановича Леванидова открывает зрителю по существу новое в нашем искусстве имя. Хотя он активно выставлялся – в его «послужном списке» значится более сорока выставок, в которых он принимал участие, – подавляющее число произведений художника стало известно широкому зрителю только на посмертной персональной выставке художника, прошедшей в Москве...», – так начинается статья к каталогу персональной выставки Леванидова, написанная Станиславом Михайловичем Иванницким, занимавшим в то время должность заведующего отделом советского искусства Государственной Третьяковской Галереи. Станислав Михайлович курировал выставку художника.

В период ее работы представители многих крупнейших государственных художественных собраний страны изъявили желание иметь работы Валерия Ивановича в своих музеях, в том числе Третьяковская галерея, Государственный Исторический музей, Горьковский (ныне Нижегородский) государственный художественный музей и многие другие.

В настоящее время 83 работы художника находятся в 18 музеях страны, среди них Государственный Русский музей Санкт-Петербурга, Музейное объединение «Музей Москвы», Государственный исторический музей, Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева, Нижегородский государственный художественный музей, Орловский музей изобразительных искусств, Тульский музей изобразительных искусств, Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Государственный музей обороны Москвы.

Как слово наше отзовется

(Материалы к биографии Павла Петровича Булыгина)

*Модестова Ольга Николаевна,
г. Москва*

Строчка из стихотворения Федора Ивановича Тютчева, как и многое в творчестве великого русского поэта и мудрого дипломата, имеет глубокий философский смысл. Слово – это волшебство, которое меняет судьбы людей, создает или разрушает, возвращает из небытия или наоборот уничтожает навсегда.

...Имя поэта Павла Петровича Булыгина сегодня вернулось в литературу. Значимость его творчества, масштаб личности, талант неоспоримы. И это после без малого семидесяти лет забвения! Вы только вдумайтесь: семьдесят лет имя Павла Петровича никто не произносил. Оно было забыто.

Как оно вернулось? Кто хранил все эти годы память о нем, кто дал нам возможность произнести слово, возродившее не только имя, но и вернувшее нам творчество замечательного поэта и человека?

Сегодня я расскажу о старшей сестре Павла Петровича – Анне. Многие десятилетия, несмотря на лишения, трагическую судьбу семьи Булыгиных, гибель ее мужа, страшные годы, проведенные в сталинских лагерях, невзирая на риск и угрозы репрессий, она о нем постоянно помнила. Анна Петровна вела переписку с вдовой поэта, вместе с сестрой Натальей по памяти восстанавливала стихи брата, скрупулезно берегла все, что связано с его жизнью, скитаниями по миру и творчеством.

Анна Петровна Модестова (1890 – 1976) была вторым ребенком в большой семье писателя, земского деятеля Гороховецкого уезда, помещика Петра Павловича Булыгина (1858 – 1914).

Булыгины принадлежали к старинному дворянскому роду. Отец Петра Булыгина – Павел Петрович (1819 – 1898) был предводителем дворянства Гороховецкого уезда, мировым судьей, участником войны на Кавказе. Двое из его пяти сыновей, Петр и Николай, пошли по стопам отца и выбрали военную службу.

Петр окончил Александровское военное училище в Москве, служил в Польше артиллеристом. Там, в небольшом городке Здуньска-Воля, он познакомился с дочерью местного пастора католической церкви Марией – своей будущей женой.

Уйдя в отставку, Петр Булыгин уже с женой Марией Эдуардовной вернулся в родные края. Они поселились в имении Ми-

хайловское вблизи Гороховца. В семье выросло пятеро детей – дочери Софья, Анна, Наталья, Мария и младший сын Павел.

Петр Павлович участвовал в общественной жизни. Он стал земским деятелем, курировал работу врачей в уезде, читал лекции. Полнее всего он реализовал себя в литературе. Его рассказы и очерки печатались в различных изданиях, вышел двухтомник его произведений и отдельное издание романа «Расплата». Не удивительно, что в семье Булыгиных был культ книги.

Дети много читали, декламировали стихи, разыгрывали сценки из романов и пьес. Уже тогда стал заметен литературный талант младшего ребенка – будущего поэта Павла Булыгина.

Трагическим для семьи стал 1914 год. В Москве умер Петр Павлович, грянула война с Германией, а затем начались революционные потрясения, разбросавшие семью по всему миру.

Старшая сестра Софья рано вышла замуж. Но ее счастье длилось не долго. Во время Гражданской войны муж умер на Кубани. Павел, окончив Александровское военное училище в Москве, ушел на фронт, воевал против Германии. После революции он не принял новую власть и пополнил ряды Добровольческой армии. Младшая сестра Маруся также покинула родное гнездо. Она оказалась в Польше, а затем в Аргентине, и уже больше никогда не возвращалась в Россию.

В России остались сестры Анна и Наталья. Еще до начала войны Анна Петровна окончила Московские высшие женские курсы. Их еще называли курсами профессора Владимира Герье. Позже Курсы переименовали во 2-й Московский государственный университет. А в советское время на их базе был создан ведущий педагогический ВУЗ страны – МПГУ.

Это было крупнейшее женское высшее учебное заведение Российской империи, уступавшее лишь Бестужевским курсам в Санкт-Петербурге. Московские курсы имели историко-филологическую направленность и давали отличное гуманитарное образование. Достаточно сказать, что лекции там читал философ Густав Шпет.

Анна Петровна знала языки, причем немецкий настолько хорошо, что перевела пьесу модного тогда драматурга Герхарта Гауптмана «Перед заходом солнца» и готовила книгу к печати. Ее выходу помешали события в стране.

Русский язык она знала так хорошо, что, несмотря на возраст и изменения в правилах орфографии и пунктуации, успешно подрабатывала репетитором много позже, в пятидесятых годах.

Во время войны 1914 года Анна Булыгина добровольно записалась в медсестры, ухаживала за ранеными в госпиталях, была сестрой милосердия. Впоследствии эти навыки помогали ей выживать в трудный период жизни.

После революции семья Булыгиных, точнее то, что от нее осталось после революционных потрясений, вернулась в Гороховецкий уезд. В соответствии с новыми порядками все имущество было сдано местной власти. Жили в старом доме в Михайловской – родном гнезде. Анна и ее младшая сестра Наталья преподавали в местной школе, подрабатывали в колхозе.

Кроме того, сестры Булыгины готовили деревенских девушек к поступлению в учебные заведения. Отношения с местной молодежью были доверительными. Ученицы и учителя с детства дружили, бывали друг у друга в гостях. Увы, одна из таких учениц позже сыграла в судьбе семьи роковую роль.

В начале двадцатых годов Булыгины переехали в Москву. Анна Петровна вышла замуж за Аркадия Модестова – друга юности Павла Булыгина. Аркадий Николаевич был сыном священника из села Старый Двор Суздальского уезда. Еще до революции он был произведен в прапорщики. После 1917 года работал в кооперации, а в 1918 году был мобилизован в Красную армию и командовал взводом.

Демобилизовался Аркадий Модестов в 1920 году и продолжил учебу в Горном институте, куда поступил еще до армии. А с 1921 по 1937 годы до самого ареста он работал в Центральном научно-исследовательском институте промышленности строительных материалов, и кроме того читал лекции красноармейцам.

В Москве Булыгины и молодая семья Модестовых поселились на Арбате в доме причта. Это был маленький уютный особнячок с мезонином, фасад которого выходил на Серебряный переулок. Жили нелегко, но дружно, помогая и поддерживая друг друга. Скоро у Анны Петровны и Аркадия Николаевича родилась дочь Ксения, а за-

тем еще два ребенка – Наталья и Сергей.

Анна Петровна по мере сил помогала мужу содержать большую семью. Некоторое время она работала воспитательницей детей в Кремле, затем трудилась в Госплане, позже – в Музыкальной школе Гнесиных (в то время она не имела еще такого, как сейчас, высокого государственного статуса).

Тридцатые годы – это не только триумф коллективизации, победы стахановцев, строительство ДнепроГЭСа и знаменитые перелеты Чкалова и Громова. В СССР, в соответствии с теорией марксизма-ленинизма, обострялась классовая борьба. В доме Булыгиных дважды проходили обыски. Аркадия Николаевича арестовывали по подозрению в шпионаже. Оба раза обвинения снимались. Но становилось все тревожнее.

Почему семья попала в поле зрения органов НКВД? Объяснение простое – сестры продолжали переписываться с польскими родственниками, сестрой Марией, жившей в Польше, двоюродными сестрами – племянницами Марии Эдуардовны. Но самое главное – родной брат Марии Эдуардовны Булыгиной в тридцатых годах служил в посольстве Польши военным атташе. И Модестовы, и Булыгины принимали его в Серебряном переулке, не раз бывали в посольстве. В гости к Булыгиным приходили служащие польской дипмиссии.

Возможно, жизнь семьи все же осталась бы в стадии хрупкого и тревожного равновесия. Подобных примеров мы знаем немало. Не все такие ситуации заканчивались трагедией. Но вмешалась судьба.

Булыгины часто принимали у себя земляков. Тех, с кем проходило детство, кто учился в школе в Михайловской – молодых девушек, которых они готовили к поступлению в училища и началу новой светлой жизни. Одна из таких девушек, приезжавшая в Москву для поступления в пединститут, останавливалась в доме в Серебряном переулке. Анна Петровна «подтягивала» ее по разным дисциплинам.

Девушка сидела за общим столом, видела гостей, слышала разговоры домочадцев. Она была своей в доме. И в конце концов «не смогла «стерпеть» – написала в НКВД «честное письмо»:

«...Следя за судебным процессом антисоветской троцкистской банды и чувствуя глубокую ненависть к врагам социализма, я пришла к заключению, что должна сообщить некоторые факты, говорящие о враждебном настроении к Советской власти одной дворянской семьи, которая проживает по Серебряному переулку

дом №15. Семью эту я знаю с детства, так как выросла в деревне, находящейся в километре от усадьбы помещиков Булыгиных. Бывая у них, я имела следующие наблюдения...»

Нет смысла приводить текст доноса полностью. В нем все «классические» обвинения, перечисления имен родственников, воевавших на стороне Добровольческой армии, домыслы по поводу причин визитов польских родственников в дом на Арбате, цитирование критических высказываний членов семьи о коллективизации и Сталине.

Это письмо, как и имя его автора, стало известно уже в девяностые годы, в период горбачевской перестройки и гласности. Тогда младшая дочь Анны Петровны – Наталья Аркадьевна получила доступ к уголовному делу своих отца и матери. Оба были реабилитированы сразу после XX съезда КПСС, когда Хрущев в 1956 году выступил с докладом «О культе личности и его последствиях».

Аркадий Николаевич был расстрелян по приговору «тройки» в 1937 году на подмосковном полигоне Бутово. Его имя – в списке жертв, захороненных в общей могиле.

Анна Петровна провела в лагерях три года и вернулась перед самой войной. Вынужденную эвакуацию она провела во Владимирской области. Вынужденную, потому что как «неблагонадежный» элемент была лишена возможности жить в столице. В Серебряный переулок она вернулась только после войны.

После смерти Сталина многое поменялось. В середине пятидесятых семья переехала в новую квартиру, деревянный дом причта на Арбате пошел под снос. С этого момента Анна Петровна возобновила контакт со своими родственниками в Польше. А позже, уже с их помощью, стала переписываться с сестрой Марусей, жившей в Аргентине, а затем наладила связь с Агатой Титовой – вдовой брата Павла.

Анна Петровна хорошо понимала риск такого общения. И напрямую с США и Аргентиной не переписывалась. Но и это, несомненно, был поступок смелый, если не сказать рискованный. Ведь клеймо «врага народа», которое она получила в тридцать седьмом году, незримо сопровождало ее всю оставшуюся жизнь.

Вся переписка, семейный архив, куда входили письма Петра Павловича, черновики стихов Павла и другие артефакты, Анна Петровна бережно хранила, что позволяет сегодня нам узнать детали биографии, обстоятельства скитаний по миру и биографические сведения о поэте Павле Булыгине.

В шестидесятые годы прошлого века Анна Петровна, вдохновленная литературными последствиями «хрущевской оттепели», взялась за написание воспоминаний о сталинских лагерях. Она писала без особой надежды на то, что ее труд когда-нибудь увидит свет. Скорее делала это для нас – ее потомков, молодежи – детей и внуков. И теперь мы вспоминаем ее за это с теплотой и благодарностью.

...Сегодня многое кажется навсегда ушедшим в прошлое. А некоторые страхи и оценки могут вызвать непонимание и даже ироническую улыбку. Но забывать о прошлом нельзя. Иначе мы рискуем повторить его ошибки.

**Есть такая профессия – интересы Родины
в мире защищать.
Дипломат Сергеев М.Г. из д. Шубино.**

*Роот Марина Владимировна,
г.Гороховец*

Витин (Сергеев) Михаил Григорьевич (1903–1993) – советский дипломат, историк, писатель и переводчик.

2024 год объявлен Президентом России Годом семьи. Издавна семья в России была основой для сохранения традиций. Семья – это не просто кровные или брачные обязательства, это ячейка, которая выстраивается на совместных ценностях и совместном будущем. Сегодня на наших

глазах в современном мире происходит серьезная трансформация института семьи, и не в лучшую сторону. Издавна в России свидетельством зрелости человека считалось создание семьи и рождение детей. Традиционно семьи в России были большими. Конечно, опыт традиционной дореволюционной семьи современной семье не вполне подходит, но всегда будут интересны примеры историй, как из больших крестьянских семей вырастали личности, активно участвовавшие в жизни страны и влиявшие на ход истории, в том числе и мировой.

Перенесемся мысленно лет на 120-130 назад в деревню Шубино Гороховецкого уезда Красносельской волости. Известна эта деревня с XVI века. В 1678 году в дворцовой деревне Шубино значатся 27 дворов. В разное время количество жителей доходило до 500 человек. Крестьяне дворцовых деревень принадлежали царю и лицам царской фамилии. Земли, заселенные подобным образом, назывались дворцовыми и находились в управлении придворных приказов. Дворцовые волости могли передаваться в частное владение помещикам в награду за службу. В 1720-е годы дворцовые земли перешли в управление Дворцовой канцелярии. В 1797-ом году дворцовые деревни стали называться казенными, или экономическими. Такой и была деревня Шубино, «д.Шубино удельна при безымянных озерах». Хотя названия у озер есть, это: Старое, Бакалда, Белое, Задворка, Кирпичное, Филиппово, Г(К)амазейка. Деревня Шубино относилась к Фроловскому приходу, но известна и как «очаг расселения старообрядцев». Были когда-то в деревне Шубино своя красильня, маслобойня, запасные хлебные магазины, кирпичный завод Гусевых, спичечное производство, белошвейки обшивали всю округу. В конце XIX века в Шубино проживали высококлассные котельщики. В начале XX века в России происходили бурные события.

Промышленность перестала развиваться должным образом, страна вступила в войну с Японией, росли революционные настроения. Страну охватила безработица. В отхожий промысел (котельный) отправлялась большая часть населения деревень Красносельской и Кожинской волостей, в том числе из д. Шубино. Из книги Н.И. Андреева узнаем многие подробности из жизни котельщиков. Николай Иванович перечисляет фамилии мастеров из разных деревень Гороховецкой округи. Из его книги узнаём фамилии двух братьев Сергеевых – Ивана и Григория Михайловичей. Упоминаются эти мастера в артели работников из д. Шубино как специалисты по строительству водонапорных башен и маяков

на гиперboloидном основании. Строили башни сетчатой конструкции для опор ЛЭП. Отличились братья Сергеевы при строительстве маяков гиперboloидного типа в Николаеве и Херсоне (Аджиогольский и Малый Станиславский Маяки). Трудились Сергеевы и на постройке первых броненосцев на Черном море «Чесма» и «Синоп». Из большой семьи Сергеевых д. Шубино уходили на фронт во время Первой Мировой войны. Известны две фамилии участников Первой мировой: Сергеев Александр Семёнович и Сергеев Кузьма Иванович. В книге Н.И. Андреева есть фотография братьев-котельщиков Сергеевых Григория Михайловича и Ивана Михайловича. В больших крестьянских семьях детей рано приучали к ответственности, к труду. Вот и в большой семье Григория Михайловича Сергеева (годы его жизни 1872 – 1940) родилось 6 детей. Старший сын Иван в горячие революционные годы жил в Баку. Со слов родных – был командиром в Красной армии, помогал становлению Советской власти на Кавказе в 20-е годы XX века. Иван Григорьевич Сергеев так и остался там жить. Другие два сына Иосиф и Михаил окончили 4 класса школы (ЦПШ, скорее всего в селе Флорове обучались). Стремление учиться дальше, получить знания двигало молодых людей вперед. Братья Сергеевы Иосиф и Михаил уехали в Гороховец, где окончили гимназию, получив полное семилетнее образование. Вскоре их отец, глава семейства Григорий Михайлович овдовел. Отец большого семейства Сергеевых уезжал из деревни на заработки, котельщики домой возвращались в теплое время года, чтоб заняться хозяйством, огородом. В отсутствии мужа все домашние хлопоты ложились на женские плечи, всем хозяйством заправляла его супруга. Однажды, запрягая лошадь, женщина ударилась локтем об оглоблю, но не придавала значение полученному ушибу. Рука болела, началась саркома кости. Через два года она умерла, оставив мужа один на один с ещё маленькими детьми. В 1915 году Григорий Сергеев женился второй раз. Во втором браке родилось еще трое детей.

Иосиф и Михаил после окончания гороховецкой гимназии, вернувшись домой в Шубино и не найдя себе занятий по душе, уехали в Москву. Там братья продолжили учиться. Иосиф, получив образование, работал по партийной линии в парткоме. Михаил, окончив экономический техникум, поступил в институт Международных отношений (МГИМО). В 1936 году Михаил Григорьевич поступил на дипломатическую работу. Оба брата, Михаил и Иосиф, «встав на ноги» и получив в Москве жилье, забрали под свое крыло и опеку младшего брата Дмитрия. В 1928 году Дмит-

рий ушел на 4 года в армию на Балтийский флот. На старой фотографии видим симпатичных матросов в бескозырках, на репсе (ленточка черного шелка) тисненая надпись «Октябрьская революция», один из них Дмитрий Григорьевич Сергеев. До 27 июня 1925 года линкорн Балтийского флота «Октябрьская революция» носил название «Гангут». Линкорн «Гангут» был заложен в 1909 году, позднее в 1956-1957 гг. был изрезан на металл. В 1931 году Дмитрий возвратился в Москву, работал мастером. Но родные края тянули к себе, и Дмитрий возвратился на малую Родину, женился на гороховчанке. К 1939 году Дмитрий Григорьевич Сергеев – отец четверых детей: Вячеслава, Анны, Людмилы и Юлии. Работал на бумаго-картонной фабрике «Труд» (впоследствии завод ПТО), выпускающей картон и прочее. В 1939 году Дмитрий Григорьевич отправился на курсы директоров в Санкт-Петербург, где обучался в течение года. В Гороховце работал парторгом до мобилизации на фронт в 1941 году. Всю войну охранял границу с Японией на сторожевом корабле. С честью и отвагой стояли воины на страже своей страны. В апреле 1945 года был комиссован по состоянию здоровья. Родные по сей день бережно хранят документы, оставшиеся после Дмитрия Григорьевича. Это блокнот военной поры с записями во время службы на военном корабле. Уже в послевоенные годы Дмитрий Григорьевич возглавил в Гороховце плодово-ягодное хозяйство. В его ведении находились два огромных сада 11,5 Га и 4,5 Га. Урожай вишни в те времена доходил до 20 тонн, ябллок собирали до 25 тонн. На производстве варили повидло и варенье, расфасовывали в бочки и отправляли в магазины. Пеклись вкуснейшие коржики и баранки. Но недолго прожил Дмитрий Григорьевич, подорвав здоровье на войне, он умер в 1948 году в московском военном госпитале. Похоронен на Всехсвятском кладбище г. Гороховца.

Однажды историки решили подсчитать, сколько крупных войн было в истории человечества. Выяснили, что число получилось довольно внушительное – 14 тысяч, и это те войны, о которых упоминается в летописях и архивных документах. Погибло во время всех этих войн 4 миллиарда человек! Конечно, цифра приблизительная, но огромная! Если сравнивать с сегодняшним днем, то это половина населения планеты. Однако войн в истории человечества было бы гораздо больше и погибших тоже, если бы не работа дипломатов. Их деятельность не на виду, многое скрыто от глаз и происходит за закрытыми дверями, но результаты их работы дают человечеству возможность избежать многих конфликтов

и войн. Такой работой занимался уроженец Гороховецкого уезда деревни Шубино – Михаил Григорьевич Сергеев. Как уже сказано выше, Михаил Григорьевич, получив хорошее образование, стал работать с 1936 года на дипломатической службе.

С 1936 по 1939 годы был советским генеральным консулом в Италии в Милане. С 1939 года по 3 июня 1941 года – первый секретарь дипмиссии в Греции. С 1943 по март 1945 годов Сергеев возглавлял Первый европейский отдел в Министерстве иностранных дел СССР.

В этом, 2024 году, 10 декабря исполняется 80 лет со дня подписания советско-французского договора министрами иностранных дел СССР и Франции. Вячеслав Михайлович Молотов и Жорж Бидо в 1944 году подписали советско-французский договор о союзе и взаимной помощи сроком на 20 лет. События, предшествующие подписанию этого документа и сам факт заключения договора стали определяющими для отношений двух стран на протяжении многих десятилетий. Договор создавал основу для всестороннего сотрудничества. Примером действия этого договора может служить ситуация весной 1946 года во Франции. В стране в связи с неурожаем возник резкий дефицит хлеба. Правительство обратилось за помощью к СССР. Несмотря на собственное тяжелое экономическое положение, Советский Союз оказал Франции помощь. На собственных судах Советский Союз отправил во Францию 500 тысяч тонн зерна. Этот договор помог укрепить международный авторитет Французской республики. Сейчас никто из современных французских политиков не помнит об этом. Сохранились фотографии с момента подписания этого договора. И рядом со Сталиным (слева от него) мы видим нашего земляка Сергеева Михаила Григорьевича. Также на историческом снимке присутствуют выдающиеся политики: Молотов В.М. (народный комиссар иностранных дел), Шарль де Голь (председатель Временного правительства Франции).

С марта 1945 по июль 1946 гг. Михаил Григорьевич – чрезвычайный и полномочный посол СССР в Бельгии в Брюсселе. С ноября 1945 по июль 1946 – второй аккредитованный посол в Люксембурге. С 1946 по июнь 1948 гг. – советский посол в Буэнос-Айресе. Об этом периоде немного подробнее. Первый советский посол, которого в местной прессе называли «Мигель Григорьевич Сергеев», прибыл в Аргентину 31 августа 1946 года. Пожелтевшие страницы аргентинских газет за сентябрь 1946-го писали: «улыбающегося советского посла Сергеева и его укутанную в меха

супругу в порту Буэнос-Айреса встречала толпа с растяжками «Добро пожаловать!», «Да здравствует Советский Союз!» и «Миру – да, войне – нет!». Посланника Сталина встречала ликующая толпа с цветами и флагами, что было весьма удивительно. В Буэнос-Айресе советскую делегацию разместили в лучшем отеле Alvear, аргентинским дипломатам в это же время в Москве пришлось ютиться в одноместном номере захудалой гостиницы. Встреча дипломатов двух стран в Москве и Буэнос-Айресе разительно отличалась одна от другой. Во время Второй мировой войны аргентинское правительство и элита симпатизировали нашим врагам. Официально страна сохраняла нейтралитет и объявила войну нацистской Германии и Японии лишь за месяц до победы. Однако в Буэнос-Айресе М.Г. Сергеев пробыл меньше двух лет. В январе 1948 года недавно восстановленные советско-аргентинские отношения оказались под угрозой разрыва. Всему этому виной были два сундука с испанскими беженцами, которые пытались навсегда уехать из Советского Союза. С этими сундуками связана одновременно и курьезная и трагическая история. Вот она. Аргентинские дипломаты под руководством посла Федерико Кантони прибыли в Советский Союз весной 1947 года. Среди них был посланник аргентинских рабочих в СССР Педро Конде Магдалено – известный в своей стране профсоюзный деятель, к тому же активный участник советской пропаганды. Его заветная мечта попасть дипломатом на родину мирового пролетариата свершилась, но реальная жизнь в СССР не соответствовала картинкам из пропагандистских газет. Тяжелые условия проживания в Советском Союзе в послевоенное время разочаровали аргентинцев. Шайки беспризорников, нищие старики, продуктовые карточки, женщины, работающие по ночам, крестьяне, не имеющие права покинуть колхозы. Всё это быстро привело в чувства аргентинского посланника. Вскоре произошла встреча с испанцем, толкнувшая посла на преступление. Испанец Сепеда был одним из нескольких тысяч детей и подростков, которых родители-коммунисты во время гражданской войны в Испании (1936 – 1939) отправляли в Советский Союз, чтобы они пережили в безопасности и вернулись на родину после наступления мира. Сначала испанскими детьми занимались, но вскоре несовершеннолетние беженцы стали для Москвы обузой. Большинство испанцев хотели уехать из «пролетарского рая». Но иностранцы уже видели слишком много советской реальности и могли на своей родине рассказать массу нелицеприятных историй, поэтому Кремль решил их не отпускать. Испанец хорошо пел,

и его в свое время приняли в театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Сепеда с успехом исполнял испанские песни – пока их не запретили, как и другие номера на иностранном языке. Певец рассказал дипломату Конде и о своем соотечественнике – Хосе Туньоне Альбертосе. В разгар гражданской войны тот приехал учиться в советскую школу летчиков, а обратно его уже не пустили. Хосе подал прошение на выезд в Мексику, где жил его брат, но ему настоятельно порекомендовали ради собственной безопасности забрать бумагу и вести себя потише.

Аргентинскому дипломату Конде стало так жаль заложников Сталина, что он решил рискнуть карьерой и жизнью, чтобы их спасти. В сообщники Конде взял своего коллегу по посольству Антонио Басана, который собирался увольняться и возвращаться домой – а значит, мог, не вызывая подозрений, везти с собой много вещей. Туньон и Сепеда согласились бежать с «родины социализма», спрятавшись в сундуках – благо большие вещи тогда можно было провозить с собой в салоне.

Ранним утром 2 января 1948 года аргентинские дипломаты прибыли в московский аэропорт. Басану не разрешили оплатить перевес долларами, и он остался в зале ожидания с одним из сундуков, а Конде вылетел со вторым в Прагу. Самолет уже был за пределами СССР, когда из сундука раздался стук. Пока аргентинский дипломат Конде открывал его и доставал задыхающегося Хосе Туньона, стюардесса побежала к пилотам. Самолет развернулся и взял курс на Москву. Сразу после приземления в аэропорту испанца и аргентинца разделили. Дипломата два дня держали без воды и еды в ледяном бараке. Все это время Конде ждал расстрела. Покинуть СССР Конде и Басану с семьями разрешили только после того, как аргентинские власти обещали судить их на родине.

Вернувшись на родину, Педро Конде дал пресс-конференцию: он публично рассказал о «самом антинародном режиме всех времен» и призвал международные организации бороться за освобождение испанских пленников Сталина. Коммунисты Латинской Америки начали травлю бывшего дипломата: его называли агентом США и продажным слугой капиталистов, а его документальную книгу «Почему испанские беженцы бегут из СССР в сундуках?», вышедшую спустя три года, – выдумкой предателя.

Аргентинец до самой смерти в 1963-м был уверен, что испанцев из сундуков расстреляли, и не мог себе этого простить. На деле их приговорили к 25 годам лагерей по статье «шпионаж»; по-

сле смерти Сталина в 1953 году они вышли на свободу. В 1966-м Педро Сепеда вернулся на родину в Испанию, а Хосе Туньон, как и мечтал, улетел в Мексику к брату. А вот сама история с сундуками изрядно подпортила советско-аргентинские отношения на высшем уровне.

Между тем с 1948 по 1950 гг. Сергеев Михаил Григорьевич был назначен на должность зам. начальника I Европейского отдела МИД СССР, с 1950 по июль 1953 гг. стал его начальником. С июля 1953 г. по январь 1962 г. – он посол СССР в Афинах. Михаил Григорьевич Сергеев, естественно, как и полагалось в те годы, был членом КПСС, знал иностранные языки. Свободно говорил на новогреческом языке. Что представляли собой советско-греческие отношения в послевоенный период? Экономические отношения между странами были неурегулированные. Греция в 1944 году целиком вошла в сферу влияния Великобритании, затем США. В Греции шла гражданская война (с 1944 по 1949 гг.), греческие партизаны воевали против регулярной армии страны, происходили правительственные кризисы со сменой греческого правительства. Несмотря на всё это, Греция стремилась к расширению экономических связей со странами, заинтересованными в возе греческой продукции: табака, маслин, сухофруктов, оливкового масла и проч. Смерть И.В. Сталина в марте 1953 года стала рубежом в советской внешней политике, прошла корректировка внешнеполитического курса. СССР развернул дипломатическое «мирное наступление» на международной арене. Одним из направлений этой работы стало урегулирование отношений с Грецией. 23 июля 1953 г. чрезвычайным и полномочным послом СССР в Греции был назначен М.Г.Сергеев. В сентябре Михаил Григорьевич прибыл в Афины. Новый посол активно продвигал советские торговые предложения во время встреч с греческими чиновниками. Возобновились культурные и научные обмены между двумя странами. В странах НАТО с тревогой следили за явной активностью нового посла М.Г. Сергеева и успешному налаживанию им добрых отношений с греческими руководителями. Круг его встреч был много шире обычных контактов дипломатического представителя. М.Г. Сергеев встречался с мэром Пирея, номархом (губернатором нома) Аттики, ректором Афинского университета. Всё это, несомненно, приносило свои плоды в послевоенной истории Балканского полуострова. В фонде нашей библиотеки есть книга из серии «ЖЗЛ» 1964 года выпуска о греческом революционере Никосе Белояннисе. Автор этой книги Витин Михаил Григорьевич, который на деле

и есть наш земляк, дипломат Сергеев М.Г., пишущий под псевдонимом «Витин». Книга рассказывает о судьбе греческого коммуниста, одного из руководителей Демократической Армии Греции, участника гражданской войны в Греции 1945-1950 гг., расстрелянного в 1952 году. Иллюстратором книги выступила супруга дипломата – Северова Тамара Алексеевна. Художница, скульптор, была ученицей Эрзя Степана Дмитриевича¹. Супруга Сергеева была верной спутницей его жизни, надежным другом и помощником.

Сергеев М.Г. на дипломатической работе в 1957 – 1958 гг. уже был заведующим Отделом Скандинавских стран МИД СССР.

Вот в такие беспокойные и тяжелые времена работал на дипломатической службе М.Г. Сергеев. Как говорят, «посольство – это глаза и уши государства, отсюда всё исходит». В то же время Михаил Григорьевич никогда не забывал, откуда он родом. На книгах, журналах, которые он дарил на память многочисленным родственникам, всегда писал «дядя Миша из Шубино». У Михаила Григорьевича много наград. В военное время он не участвовал в боевых действиях. Всегда считалось, что дипломатия – это умение одерживать победу без войны. Если же так случилось, и война началась, дипломатическая работа не прекращалась. Сегодня остается только догадываться, каких недюжинных способностей и титанических усилий требовалось от дипломатов в те далекие и непростые годы. И наш земляк, уроженец небольшой деревушки Шубино Гороховецкого уезда Михаил Григорьевич Сергеев достойно представлял нашу страну на международной дипломатической арене, внося весомый вклад в достижения страны, в завоевание Победы, в безопасность и процветание Советской Родины.

Сегодня в Гороховце проживают потомки большой семьи Сергеевых из д. Шубино. От самого младшего потомка – Семена Сергеевича Сергеева и его мамы мы и узнали некоторые подробности из жизни известного дипломата, о судьбе которого вряд ли кто знает на его малой родине.

¹ Скульптор Степан Нефёдов, взявший себе псевдоним Эрзя, увлекался лепкой и рисованием с детства. Учился иконописи, живописи и рисунку у известных мастеров конца XIX – начала XX вв., изучал скульптуру в Италии, работал с разными материалами: мрамором, бетоном, чугуном и экзотическими породами дерева. Многие работы Эрзя высекал без предварительных набросков, и искусного виртуозного мастера прозвали за границей «русским Роденом». В 1926 году эмигрировал, жил в Аргентине. *Именем скульптора названы несколько художественных музеев, улицы в Москве и Саранске. Северова Т.А. написала в 1947 году в Буэнос-Айресе его портрет.*

Губернский архитектор Е.Я. Петров

Ушаков Владимир Николаевич,
г.Вязники

Евграф Яковлевич Петров – российский архитектор, участвовавший в создании облика городских центров Владимирской губернии первой половины XIX столетия, наполнив российскую глубинку строгими и простыми мотивами классицизма. В должности губернского архитектора состоял с 1812 по 1839 гг.

Он – ученик выдающихся зодчих Матвея Казакова и Родиона Казакова, более четверти века занимая должность владимирского губернского архитектора, принимая участие в гражданском и церковном строительстве, – вписал своё имя в историю нашего края.

Евграф Яковлевич родился в Москве в 1776 году в семье дворянина и архитектора Якова Семёновича Петрова. Уже имея образование, в 1800 году он поступил в Экспедицию строения кремлёвского дворца, занимавшуюся строительством в Кремле, Москве и её окрестностях.

Первым директором Экспедиции был выдающийся Василий Иванович Баженов, оттачивавший мастерство в Париже и Риме. Когда императрица Екатерина II охладела к Баженову, место его занял Матвей Фёдорович Казаков, создавший архитектурное лицо Москвы, утраченное в пожаре 1812 года. Инициативой Казакова при Экспедиции создана Архитектурная школа (потом училище). Учеником этой школы и стал Петров как раз в бытность Матвея Казакова директором. Вскоре Матвей Казаков оставил учебное заведение на попечение своего однофамильца – Родиона Родионовича Казакова.

В 1803 году Петров откомандирован к своему прежнему наставнику Матвею Казакову для составления «фасадического плана Москвы». За эту работу Евграф Яковлевич в мае 1805-го пожалован высочайшей наградой – золотыми часами. На молодого архитектора обратили внимание. В августе того же года по требованию московского губернского предводителя дворянства князя Павла Михайловича Дашкова (внука первого владимирского наместника Р.И. Воронцова и сына образованнейшей женщины своего времени Е.Р. Воронцовой-Дашковой) Петров перемещён архитекторским помощником в «Комитет для устройства в Москве казарм». Отсюда через два года он переведён в Строительную экс-

педицию при Московском губернском правлении, где занимался строительством присутственных мест в Бронницах и Дмитрове.

В 1812 году Петров назначен губернским архитектором во Владимир. Причиной тому послужила его женитьба на дочери советника Владимирского губернского правления Шумилова – Надежде Дмитриевне. Тесть молодого архитектора составил проекцию в переводе Петрова к новому месту службы. Однако Евграфу Яковлевичу не суждено было приступить к своим основным обязанностям. Со вступлением Великой армии Наполеона в пределы Российской империи было объявлено о создании губернских ополчений для борьбы с захватчиками. Губернскому архитектору Петрову поручили формирование одного из полков Владимирского ополчения, которое в сентябре заняло позиции на границе с Московской губернией.

С изгнанием французов Петров обратился к своим обязанностям по занимаемой им должности главного губернского строителя.

К первой работе Евграфа Яковлевича во Владимирской губернии относят каменную церковь Иоанна Воина на городском кладбище г. Коврова. Она начата предшественником Петрова на посту губернского архитектора Алексеем Никитичем Вершинским, но за смертью архитектора в 1811-м, а потом с началом Отечественной войны строительство остановилось. В 1814-м Евграф Яковлевич вплотную приступил к возведению кладбищенского храма, оконченного к 1827 году. Трёхъярусная колокольня со шпилем пришла на смену принятых в храмовом строительстве вплоть до 1810-х звонниц шатрового вида.

Но раньше – в 1813-м – в суздальском Ризположенском монастыре начато строительство колокольни, автором которой также называют Петрова.

Параллельно в 1819-1821 гг. на шуйской земле Евграф Яковлевич занимается постройкой колокольни при Успенской церкви и перестройкой церкви Рождества Христова в селе Иваново, добавляя к её облику черты классицизма. В 1820-е годы там же он строит часовню в честь Феодоровской иконы Божией Матери. Эта работа стала первой самостоятельной храмовой постройкой архитектора. Ни Христорождественская церковь, ни Феодоровская часовня не сохранились: они сломаны до 1917 года. От Успенской колокольни уцелел лишь нижний ярус.

В самой Шуре с 1819 по 1833 годы под руководством Петрова перестраивалась колокольня Воскресенского собора, возводимая

по проекту швейцарца Гауденцио (Якова Яковлевича / Ивана Ивановича) Маричелли (Мавричелли / Маврицелло) и в 1819-м рухнувшая. Убыток составил 100 тысяч рублей. Петров увеличил первоначальную высоту колокольни с 64 до 106 метров, увенчав её высоким шпилем и сделав звонницу вторым после колокольни Петропавловского собора в Санкт-Петербурге зданием в России. Попечителем строительства выступил соборный староста купец Дмитрий Васильевич Корнилов, подрядчиком – владимирский крестьянин Михаил Саватеев. Предприятие обошлось, по слухам, в 500 тысяч рублей ассигнациями (150 тысяч рублей серебром) – колоссальную сумму.

В 1827 году Евграф Яковлевич занимался строительством братского корпуса в муромском Благовещенском монастыре, возводимого взамен деревянных келий. Сохранился чертёж строения, подписанный архитектором.

На том деятельность Петрова по проектированию и возведению храмовых построек не ограничивалась. Регламентом 1828 года губернским и епархиальным архитекторам предписывалось вести наблюдение за строительством и перестройкой церкви и околоцерковных построек, проводимых, в том числе по типовым проектам, присылаемым подрядчикам.

После визита во Владимир императора Николая I в 1834 году, повелевшему привести Дмитриевский собор в «первобытный вид», Евграф Яковлевич обследовал белокаменные пристройки собора. В двух из них располагались галереи и придельные алтари, в третьей – обширная паперть. В результате этой работы он составил чертежи и храма и пристроек, ошибочно отнеся их ко времени Ивана Грозного и, увы, полагая к сносу. Разбор этих пристроек едва не погубил храм: пристройки выполняли роль контрфорсов, без которых собор грозил буквально рассыпаться. Эту фатальную ошибку исправляли позднейшие реставрации. Архитектор Александр Васильевич Столетов доказал, что сломанные пристройки относятся к XIII веку – всего на век младше самого собора.

К гражданским постройкам Петрова относятся торговые ряды в Муроме, Шуе, Вязниках. В Шуе по его проекту выстроены общественные весы – важня. В Коврове – тюремный замок.

В Гороховце и Вязниках по проекту Евграфа Яковлевича построены близнецы-здания присутственных мест. План составлен им в 1822 году, и является переработанным образцовым проектом присутственных мест. Здания были построены уже после

смерти Петрова в 1840-е годы, их проект доработал преемник зодчего на посту губернского архитектора Яков Никифоров.

К авторству Петрова относят здание женской земской гимназии во Владимире, открытой в 1870 году. Построено оно в 1830-е годы на средства купца Ильина и насыщено элементами и формами классицизма. В это время губернским архитектором как раз был Евграф Яковлевич, и думается, что такое грандиозное строительство не обошлось без его участия.

Одной из последних работ Петрова стала реконструкция здания мужской гимназии во Владимире. Заканчивать начатое строительство пришлось приглашённому из Москвы архитектору Василию Дрегалову (также ученику архитектурной школы Экспедиции кремлёвского строения). Гимназия открыта в 1841 году. Не застал Евграф Яковлевич и постройки вязниковских торговых рядов, которые также закончены в 1841-м. Используемая колоннада в их проектировании пришла на смену арочному облику торговых рядов Шуи и Мурома, выделяясь тем из череды однотипных зданий, устроенных ранее.

В 1836 году Евграф Яковлевич произведён в чин надворного советника (аналог армейского чина подполковника).

В 1826 году Петров награждён орденом св. Анны III степени. Мнение о получении награды за перестройку церкви на владимирских Золотых воротах ошибочно, поскольку лишь в 1827 году был утверждён план фасадов древнего сооружения, составленный Евграфом Яковлевичем.

За три дня до кончины главный губернский строитель пожалован «Анной на шею» – второй степенью ордена св. Анны. Вдова надворного советника знаки ордена получать отказалась (за их изготовление взимались деньги, которые поступали в особый «Орденский капитул»), сославшись на отсутствие средств.

Главный губернский зодчий Евграф Яковлевич Петров умер 21 июля 1839 года. Место его погребения не установлено. Известно, что скончавшаяся в 1873 году его вдова Надежда Дмитриевна нашла упокоение у стен Вознесенской церкви во Владимире.

В 1859 году Петровы внесены в Дворянскую книгу Владимирской губернии.